

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

Сектор методико-тифлобиблиографии

ТЕРРИТОРИЯ ЧТЕНИЯ

Выпуск 5.

ЮБИЛЕИ И ЮБИЛЯРЫ

Ростов-на-Дону

2014

78.3
Т35

Территория чтения. Вып.5: Юбилеи и юбиляры: Метод. пособие / Ростов. обл. спец. б-ка для слепых; сост. И.А. Гетажаева. – Ростов н/Д, 2014. – с. 110

Пособие содержит материалы в помощь проведению мероприятий, приуроченных к юбилейным датам выдающихся представителей литературного мира.

ЮБИЛЕИ И ЮБИЛЯРЫ 2014

1 АПРЕЛЯ
205 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ,
РУССКОГО ПРОЗАИКА,
ДРАМАТУРГА, ПОЭТА, КРИТИКА И
ПУБЛИЦИСТА
(1809-1852)

«МУЧЕНИК ВЫСОКОЙ МЫСЛИ»

(Сценарий литературного вечера, посвященного творчеству Н.В. Гоголя)

Оформление сцены:

Занавес сцены подвязан в театральном стиле.

На заднике – большой портрет Н.В. Гоголя. С левой стороны - столик со свечами в большом старинном подсвечнике и стопкой книг из собрания сочинений Н.В. Гоголя.

С правой стороны – старинный круглый столик или конторка, раскрытая книга, чернильница с пером.

В глубине сцены для чтецов и исполнителей сенок мягкое кресло и диванчик.

В вечере принимают участие:

Ведущие 1, 2 – рассказывают о Гоголе

Чтец 1 – читает от имени Гоголя

Чтецы 2, 3 – читают отрывки из произведений Гоголя, высказывания современников

Звучит: Свиридов «Тройка»

Ведущий 1: Гоголь! Вечный спутник отрока, юноши, мужчины и женщины, школьника и старца, умудренного знанием жизни. Раз проникнув в нашу душу, Гоголь никогда не покидает ее, а поселяется в сознании нашем и в сердце навсегда, как дома, - удивительно смело, непринужденно, уютно... Он воистину наш вечный спутник». (К. Федин)

Звучит: Мусоргский «Сорочинская ярмарка»

Ведущий 2: Русскому писателю, Николаю Васильевичу Гоголю освящается.

Ведущий 1: Сто лет тому назад Москва дремала
В сугробах, как в перинах пуховых.
Выравнивал снежок мало-помалу
Колдобины на улицах кривых.

Но до зари во флигеле господском
Не знали сна. И толстая свеча,
Оплавившая тяжелым желтым воском,
В одном из окон теплилась треща.

И если бы увидел этот флигель
С Никитского бульвара кто-нибудь,
Не знал бы он, что в дом стучится гибель,
Что вышел Гоголь в свой последний путь.

А Гоголь умирал. Он был взъерошен,
Был остронос, как ворон, и небрит,
Воображал, что он, друзьями брошен,
Один в геенне огненной горит.

Но он был жив! И юношеской силой,
Поющей в сердце, бьющей из-под век,
Его, как половодьем, уносило
Из времени – вперед на целый век

А смерть? Зачем безносая на тризне
Присутствует не слыша, не дыша?
Что знает смерть о бесконечной жизни,
О гоголевской – мертвая душа?

О ненависти, о негодованье,
О жалости, о жажде жить – о том,
Чему он сам подыскивал названье,

Когда писал незавершенный том...

И не в жару, не в огненной геенне
Сгорело все, что было в нем мертво,
Но вышел в путь, встал на работу гений.
Так началось бессмертье для него!

(П. Антокольский)

Звучит: Чайковский «Черевички».

Освещается портрет, зажигаются свечи в подсвечнике

Ведущий 2: Выписка из метрической книги Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинец Миргородского уезда.

«1909 год месяца марта 20 числа у помещика Василия Яновского (Гоголя) родился сын Николай».

Звучит: Шостакович «Нос»

Чтец 1: Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Когда стал задумываться о своем будущем, мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий... что я выслужусь и все это мне доставит служба государственная... Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу также послужить службу государственную, я бросил все: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединении от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творение, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей.

Ведущий 1: Ни Лауры, ни Беатриче, ни Натальи Гончаровой у Гоголя не было. Ни семьи, ни профессии - ни даже службы в те времена, когда все на Руси служило, не исключая писателей: Державин был губернатором, Дмитриев - министром, Карамзин и Жуковский - царедворцами. Даже Пушкин с горечью и нетерпением, но напрасно стремился скинуть придворный мундир... Николай 1 не хотел понять, что можно быть только Пушкиным и ничем более. Гоголь все-таки остался только Гоголем.

Чтец 1: Великая торжественная минута. ...У ног моих шумит мое прошедшее, надо мною сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. ... Какое же будешь ты, мое будущее? О, будь блистательно, будь деятельно, все предано труду и спокойствию! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны... Я совершу... Я совершу!

Ведущий 1: Что же он хотел совершить? Что он свершил? И что ему свершить не удалось?

Чтец 2: Это что за невидаль: «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Что это за «Вечера»? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вещее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет - батюшки мои!... начнут со всех сторон притоптывать ногами: «Куда, куда, зачем? Пошел, мужик, пошел!»

(Гоголь "Вечера...")

Ведущий 2: В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь «мило прикинулся» старым Пасичником, якобы собравшимся и издавшим повести, а также другими рассказчиками, то есть у Гоголя как бы сам народ вел рассказ. Со страниц повестей повеяло дыханием подлинно народной жизни, еще никогда так естественно и поэтически не отразившейся в русской литературе.

Ведущий 1: А.С. Пушкин: «Сейчас прочел "Вечера близ Диканьки". Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались "Вечера", то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою... Мольер и Шиллинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов».

Чтецы 2, 3 читают отрывок из повести «Ночь перед Рождеством»

(см. Приложение)

Ведущий 2: «Вечера» сделали имя Гоголя широко известным. Успех окрылил писателя. Нарождающаяся слава ко многому обязывала. Гоголь много пишет, и ему пишется. «Мелкого не хочется, великое не выдумывается», - жалуется он Погодину. Не знал Гоголь, когда писал эти слова, что из мелкого он извлечет великое, и это станет его поприщем. Он писал единственно по внушению впечатления. Но впечатление,

производимое безобразными явлениями жизни на его высокую и сильную натуру, было так сильно, что произведения его оживлены были энергией негодования.

Чтец 2: Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенную, и под очеретяную, даже под деревянную крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь! Плетень всегда убран предметами, которые делают его еще более живописным: или напаянную плахтою, или сорочкою, или шароварами. В Миргороде нет ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вешает, что ему вздумается. Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее.

Ведущий 1: Чудный город Миргород! Не менее чудны и его жители.

Инсценировка отрывка из «Повести о том, как поссорились...»

Ведущий 2: По свидетельству Гоголя, Пушкин говорил ему, что еще ни у одного писателя не было дара выставлять так ярко...пошлость человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. «Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей», - добавляет Гоголь.

Ведущий 1: Если «Вечера», «Миргород», «Петербургские повести» рождались стихийно, то «Ревизор» стал первым замечательным произведением, в котором Гоголь поставил себе определенную общественную задачу.

Чтец 1: В «Ревизоре» я решил собрать все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делают в тех местах и тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости. И за одним разом посмеяться над всем.

Сцена из «Ревизора» (см. Приложение)

Ведущий 2: 19 апреля 1836 г. на сцене Александринского театра в Петербурге состоялось первое представление «Ревизора» Зал был полон «блистательнейшей публики». В ложах и креслах партера сияли ордена министров и высшей петербургской знати. Перед самым началом представления в театр прибыл царь с наследником. Поднялся занавес. Публика ожидала увидеть обычный для Александринки забавный водевиль.

Но уже после первого акта на всех лицах было написано недоумение, которое к концу спектакля перешло в ярость.

Рассказывали, что Николай I, выходя из ложи, будто бы произнес: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне - больше всех!» Многие выражали недовольство, что комедию вообще допустили на сцену. Началась неслыханная свистопляска вокруг имени Гоголя в печати.

Чтец 1: Действие, произведенное ею (комедией) было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня... Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины - и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия.

Чтец 2: Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омота ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям, и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы. Вдвойне завиден прекрасный удел его... Всё, рукоплещая, несется за ним и мчится вслед за торжественной его олесницей. Великим всемирным поэтом именуют его...

Нет равного ему в силе — он бог! Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи,— всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез и единогодушного восторга взволнованных им душ... ему не избежать, наконец, от современного суда, лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовет ничтожными и низкими им лелеянные созданья, отведет ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество, придаст ему качества им же изображенных героев, отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта... ибо не признаёт современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем... Не признаёт сего современный суд и все обратит в упрек и поношенье непризнанному писателю; без разделенья, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество. (Н.В. Гоголь «Мертвые души»)

Чтец 1: Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в Отчизне... Мне бы дорога теперь, да дорога, в дождь, в слякоть, через леса, через степи, на край света.

Ведущий 1: Гоголь увозил с собой начало «Мертвых душ» и для работы над этим величайшим произведением своей жизни сосредоточивал все свои жизненные силы.

Чтец 1: Теперь я погружен весь в «Мертвые души». Огромно, велико мое творение, и не скоро конец его... Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям... все это известно автору. И при всем том он не может взять в герои добродетельного человека... Можно даже сказать, почему: потому что пора, наконец, дать отдых добродетельному человеку..., потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая кнутом и всем, чем ни попало, потому что изморили добродетельного человека... Нет, пора, наконец, припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!

Чтец 3: В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, — словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился. (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Чтец 1: Если совершу это творение, как нужно его совершить, то какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем!

(Тихо начинает звучать музыка)

Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно, неприютно в тебе... Но какая же непостижимая тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает. И хватает за сердце?

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа.

Ведущий 1: Во все это время судьба его странным образом вызывает в памяти судьбу Хома Брута, героя повести «Вий». Вернее историю его всеобщих бдений в заколдованной часовне. Бедный философ очертил около себя круг и весь заполнил его сиянием свечей. В этом кругу все свое внимание и напряжение воли он направляет на чтение священной книги... Такая же тесная часовня для Гоголя его заграничная жизнь... Хома Брут читает священную книгу у гроба зачарованной красавицы-панночки. А Гоголь все пишет о России, зачарованной рабством. И пока работало его воображение, пока он мог творить, он жил.

Видеофрагмент из «Мертвых душ» или инсценировка отрывка (см. Приложение)

Ведущий 2: Судьба гоголевских произведений. Сначала провал гениальной комедии, а через 5 лет в январе 1842 г. Гоголь с горечью описывает в письме реакцию цензоров на «Мертвые души». К тому времени он вернулся в Россию, жил в Москве, и «Мертвые души» проходили строгую царскую цензуру.

Чтец 1: Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись... обвинения все без исключения были комедия в высшей степени. Как только занимавший место президента (комитета) Голохвастов услышал название «Мертвые души», закричал голосом древнего римлянина:

Чтец 2: Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертия...

Чтец 1: Как только он взял в толк, и взяли в толк вместе с ним и другие цензора, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма.

Чтец 2: Нет,- закричал председатель и за ним половина цензоров - этого и подавно нельзя позволить... это значит против крепостного права...

Чтец 3: Предприятие Чичикова,- стали кричать все, есть уже уголовное преступление.

Чтец 1: Да, впрочем, и автор не оправдывает его - заметил мой цензор.

Чтец 3: Да, не оправдывает! а вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души.

Чтец 1: Вот такие толки.

Ведущий 1: Газета «Северная пчела» от 30 мая 1842 г.: «Вот вышла в свет поэма Гоголя... ни в одном русском сочинении нет столько безвкусия, грязных картин и доказательств совершенного незнания русского языка, как в этой поэме».

Чтец 1: «Мертвые души» не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающе картины

торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи... Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю... Русского человека испугала его ничтожность более чем все его пороки и недостатки... Испуг прекрасный!

Ведущий 2: Критик О.И. Сенковский: «Помилуйте!.. что вы это... при каждом неблагоприятном случае наводите речи на русских? В чем и за что вы беспрестанно их обвиняете? Вы систематически унижаете русских людей. Я этого не люблю и не хочу слушать.

Чтец 1: Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накапливают себе капиталы, устраивая судьбу свою за счет других; но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов.. и подымут вдруг крики: «Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?.. А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе?..»

На такие мудрые замечания, особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ.

Но нет, не патриотизм... суть причины обвинений, другое скрывается под ними... Вы боитесь глубоко устремленного взора... вы любите скользнуть по всему недумаящими глазами. Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым... А кто из вас... не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит во внутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да как бы не так!

Ведущий 1: Реакция читателей и критики на «Мертвые души» послужила толчком для новых размышлений писателя. Гоголь пытается в крепостнической России найти рычаг, который мог бы вывести ее из тогдашнего положения. А так как зло предполагалось не в порядке, а только в душах, то, очевидно, нужен был такой рычаг, который мог бы чудесным образом сдвинуть с места все русские души...

Какая же сила произведет это чудо? – Слово.

Кто же скажет это нужное слово именно так, как его нужно сказать? – церковные проповедники, помещики.

Так рождался замысел второго тома «Мертвых душ». Но второй том не удался...

Ведущий 2: Это произошло в ночь с 11 на 12 февраля 1852 г., с понедельника на вторник. Единственным свидетелем события был слуга Гоголя Семен, который впоследствии рассказал обо всем другим лицам... Их сообщения в главном совпадают.

Ведущий 1: Ночью на вторник он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его: тепло ли в другой половине его покоев.

Ведущий 2: Свежо, - отвечал тот.

Ведущий 1: Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться.

И он пошел, со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, через которую проходил. Пришел, велел открыть, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку...

Ведущий 2: Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: «Барин, что это вы, перестаньте!»

Ведущий 1: Не твое дело, - отвечал он молясь.

Ведущий 2: Мальчик начал плакать и просить его.

Ведущий 1: Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал...

Ведущий 2: Через 10 дней после сожжения рукописей, утром 21 февраля, Гоголь скончался, оставив за жизнь свою накопленного имущества на 43 рубля 88 копеек серебром.

(Ведущий 2 гасит свечи и уходит)

Чтец 2: И.С. Тургенев – Аксакову: «Эта страшная смерть – историческое событие, понятное не сразу: это тайна, тяжелая, грозная тайна - надо стараться ее разгадать... Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, - ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа. И Гоголь погиб». *(Уходит)*

Чтец 3: В.Г. Короленко: «Вся трагедия его короткого, блестящего и многострадального существования была целиком трагедией творчества, в нем были его радости, с ним связана ранняя гибель». *(Уходит)*

Ведущий 1: Н.А. Некрасов: «Вот честный-то сын своей земли, который писал не то, что могло бы больше нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего Отечества. И погиб в этой борьбе. И талант, положим, свой во многом изнасиловал, но каково самопожертвование». *(Уходит)*

Звучит: Щедрин «Контрасты»

Чтец 1: Сколько приходит людей, для которых нет вовсе высокого в мире! Все, что ни творилось вдохновением, для них пустяки и побасенки... А вот протекли веки... как дым унеслось все, что было – а побасенки живут и повторяются поныне... Побасенки! А вот стонут балконы и перила театров: все потряслось снизу доверху, превратилось в одно чувство, в один миг, в одного человека, и все люди встретились, как братья, в одном душевном движении, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. Но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!

ПРИЛОЖЕНИЕ:

«Ночь перед Рождеством»

Чтец 2: Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа... Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле... ведьма... поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав.

Чтец 3: Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колеса с Комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей...

Чтец 2: Между тем черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик,

доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем не бывало, побежал далее...

Чтец 3:...как только черт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку.

Чтец 2: Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула.

Чтец 3: Тут черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду.

Чтец 2: Словом, все лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть черта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Рожа... мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

«Повесть о том, как поссорились...»

(Участвуют Гоголь и три жителя Миргорода)

1: Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде!.. Какие у него яблони и груши под самыми окнами!..

2: Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственной рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «участвовал такой-то»...

3: Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они также между собою приятели, каких свет не производил...

1: Иван Иванович худощав и высокого роста;

3: Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину.

2: Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз;

3: Голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх...

1: Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза;

3: Иван Никифорович один раз...

2: Иван Иванович несколько боязливого характера.

3: У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением...

1: Впрочем, несмотря на некоторые несходства, как Иван Иванович

так и Иван Никифорович

Вместе: прекрасные люди...

Гоголь: Скучно на этом свете, господа!

«Ревизор» (д. 3 явл. 8)

А н н а А н д р е е в н а и М а р ь я А н т о н о в н а.

А н н а А н д р е е в н а. Ах, какой приятный!

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, милашка!

А н н а А н д р е е в н а. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и всё это такое... Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

М а р ь я А н т о н о в н а. Ах, маменька, он на меня глядел!

А н н а А н д р е е в н а. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

М а р ь я А н т о н о в н а. Нет, маменька, право!

А н н а А н д р е е в н а. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

М а р ь я А н т о н о в н а. Право, маменька, всё смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

А н н а А н д р е е в н а. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А,— говорит себе,— дай уж посмотрю на нее!»

«Мертвые души»

Чтец 2: Дамы города N. были то, что называют презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим. Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, а особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских... дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых. Итак, вот что можно сказать о дамах города N., говоря поповерхностней. Но если заглянуть

поглубже, то, конечно, откроется много иных вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже в дамские сердца.

Гоголь: Поутру ранее того времени, которое назначено в городе N для визитов, из дверей деревянного дома с мезонином и голубыми колоннами выпорхнула дама... Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побуждение непреодолимое скорее сообщить ее...

1: Дама просто приятная

2: Дама приятная во всех отношениях

2: Ну что ж наш прелестник?

1: Ах, боже мой! что ж я так сижу перед вами! вот хорошо! Ведь вы знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам? (Тут дыхание гостыи сперлось, слова, как ястребы, готовы были пуститься в погоню одно за другим, и только нужно было до такой степени быть бесчеловечной, какова была искренняя приятельница, чтобы решиться остановить ее)

2: Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его, а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный.

1: Да послушайте только, что я вам открою...

2: Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... самый неприятный нос.

1: Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар. (говорила гостыя с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом)

2: Какая же история?

1: Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, если бы вы могли только представить то положение, в котором я находилась, вообразите: приходит ко мне сегодня протопопша — протопопша, отца Кирилы жена — и что бы вы думали: наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а?

2: Как, неужели он и протопопше строил куры?

1: Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что рассказала протопопша: приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная и бледная как смерть, и рассказывает, и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман: вдруг в глухую полночь, когда все уже спало в доме, раздается в ворота стук, ужаснейший, какой только можно себе представить; кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!» Каково вам это покажется? Каков же после этого прелестник?

1: Да что Коробочка, разве молода и хороша собою?

2: Ничуть, старуха.

1: Ах, прелести! Так он за старуху принялся. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться.

2: Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда

Ринальдина, и требует: «Продайте, говорит, все души, которые умерли». Коробочка отвечает очень резонно, говорит: «Я не могу продать, потому что они мертвые». — «Нет, говорит, они не мертвые, это мое, говорит, дело знать, мертвые ли они, или нет, они не мертвые, не мертвые, кричит, не мертвые». Словом, скандальозу наделал ужасного: вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричат, никто никого не понимает, ну просто оррёр, оррёр, оррёр!..

1: Это, однако ж, странно. Что бы такое могли значить эти мертвые души?.. Ну, как вы думаете?

2: Как я думаю? Я, признаюсь, совершенно потеряна.

1: Но, однако ж, я бы все хотела знать. Какие ваши насчет этого мысли?

1: Ну, слушайте, что такое эти мертвые души... Мертвые души...

2: Что, что?

1: Мертвые души...

2: Ах, говорите, ради бога!

3: Это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку.

(Приятная дама так и окаменела на месте, побледнела, как смерть)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Сайт, посвящённый творчеству Н. В. Гоголя [электр. ресурс]. – режим доступа// <http://revizor.net/>, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.

2. Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden»: электрон. ресурс с произведениями Н. В. Гоголя на страницах библиотеки ImWerden [электрон. ресурс]. – режим доступа// http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=243, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.

3. Фундаментальной электронной библиотекой «Русская литература и фольклор»: электронное научное издание (полное собрание сочинений Н. В. Гоголя в 14 томах, энциклопедические сведения и литература о нём) [электрон. ресурс]. – режим доступа// <http://feb-web.ru/feb/gogol/default.asp>, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.

14 АПРЕЛЯ
270 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДЕНИСА ИВАНОВИЧА ФОНВИЗИНА,
РУССКОГО ЛИТЕРАТОРА,
СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ
БЫТОВОЙ КОМЕДИИ
(1745 -1792)

Денис Иванович Фонвизин родился в богатой дворянской семье в Москве. Родословная рода Фонвизиных начинается именем Петра Володимировича, титулуемого бароном: «В царствие великого государя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, как он, великий государь, воевал Лифляндскую землю, взял в плен Мечиносящего братства брата Петра барона Володимирова сына Фонвизина с сыном его Денисом и иных того же честного братства шляхтов; и даны им в Московском государстве поместья многие в разных городах...». В 1653 г. внук Петра Фонвизина Юрий Денисович перешел в православие, приняв при этом имя Афанасия. Первоначальным образованием Денис Фонвизин был обязан отцу. В 1755 г., когда был открыт московский университет и при нем гимназия, Денис и его брат Павел были среди первых воспитанников, зачисленных в гимназию (1755 - 1760 гг.). «Учились мы весьма беспорядочно, ибо с одной стороны причиной тому была ребяческая леность, а с другой нерадение и пьянство учителей», — вспоминал позднее в «Чистосердечном признании» Фонвизин. Дальнейшее образование Денис Иванович получил в Московском университете на философском факультете (1761 — 1762). Литературой начал заниматься в университетские годы. Сначала писал сатирические произведения, которые распространялись в рукописях (до нас они не дошли), подобные не попадавшие в печать сатиры были в то время весьма распространены. В 1764 г. московский главнокомандующий граф Салтыков доносил императрице: «Развращенное здесь, на Москве между молодыми людьми своевольство и наглость до такой степени возросли, что некоторые из них... дерзнули по всему городу потаенно рассеять ругательные сочинения, состоящие в каталогах на французск ж и русском языках, в которых до 300 человек и больше как наизнатнейших, так и прочих фамилий, в том числе дамы и девицы, не взирая ни на чины, ни на достоинства, наичувствительнейшими выражениями обещены и обижены».

Позже поэт занялся переводами. В 1761 г. в университетской типографии вышла книга басен Гольберга в его переводе. Тогда же он начал переводить трагедию Вольтера «Альзира» (закончил позже в Петербурге, при

жизни Фонвизина издана не была). В 1762 г. Фонвизин поступил в коллегия иностранных дел переводчиком. С 1763 по 1769 гг. был прикомандирован к кабинет-министру И. П. Елагину. Служба у Елагина позволила Фонвизину близко познакомиться с двором Екатерины II: Елагин состоял при кабинете «по приему челобитен» — жалоб, подаваемых на высочайшее имя. Фонвизину как секретарю Елагина приходилось заниматься разбором челобитных. В эти годы Фонвизин много времени уделяет переводам: «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» Террасона (4 части, 1762 — 1768), «Торгующее дворянство» Куайе (1766) «Иосиф» Битобе (1769) и др. В 1764 г. была поставлена на сцене его стихотворная комедия «Корион» (переделка драмы французского писателя Грессе). К началу 1760-х гг. относятся два сатирических стихотворения — «Лисица-казнодей» (проповедник) и «Послание к слугам моим, Шумило-ву, Ваньке и Петрушке», где в шуточной форме автор касается философского вопроса, на котором с особенным вниманием останавливались мыслители XVIII века, вопроса о так называемых конечных причинах (*causes finale*), о целях мироздания; ответ сатирика на этот вопрос — безнадежно скептический, если не вполне отрицательный: «И сам не знаю я, на что сей создан свет!». В этом стихотворении, по словам Фонвизина, отразилось лишь его мимолетное, поверхностное увлечение; в глубине души его постоянно таилось иное, религиозное настроение.

В 1769 г. была закончена оригинальная комедия «Бригадир», которая, по мнению современников Фонвизина, «столько по справедливости разумными и знающими людьми была похвалема, что лутчаго и Молиер во Франции своим комедиям не видал принятия и не желал» (журнал «Пустомеля», июль 1770 г.). В том же году Фонвизин переходит на службу в коллегия иностранных дел и становится секретарем канцлера и воспитателя цесаревича — графа Никиты Ивановича Панина.

В 1774 г. Фонвизин женился на вдове Екатерине Ивановне Хлоповой. В 1777 — 1778 гг. он путешествовал по Германии и Франции. Его письма Н. И. Панину составили замечательное сочинение (так называемые «Письма из Франции»). К началу 1780-х гг. относится политическое сочинение Фонвизина — «Рассуждение о неперемненных государственных законах», в котором дается резкая критика социальных устоев екатерининского самодержавия. Сочинение это было столь дерзко, что издано быть не могло, но распространялось в списках; гораздо позже его использовали декабристы. В 1781 г. была закончена и в 1782 г. поставлена лучшая комедия Фонвизина «Недоросль». В «Драматическом словаре» отмечено, что при первом представлении «Недоросля» «несравненно театр был наполнен и публика аплодировала пиесу метанием кошельков» (подарков артистам)... Сохранилось предание, что Потемкин, «выходя из театра и увидев сочинителя, с обыкновенным своим просторечием сказал ему шутя: «Умри теперь, Денис, или хоть больше ничего уж не пиши: имя твое бессмертно будет по этой одной пьесе».

После смерти Никиты Ивановича Панина, в 1783 г. Фон-визин вышел в отставку «с чином статского советника и ежегодным пенсионом в 3 тыс. рублей из почтовых доходов» и все свои силы стал отдавать литературному труду. В 1783 г. Фонвизин анонимно печатал свои сатирические сочинения в журнале «Собеседник любителей российского слова», который редактировали императрица Екатерина и княгиня Екатерина Дашкова (там, кстати, с разрешения обеих редак-торш были напечатаны «Несколько вопросов, могущих воз-будить в умных и честных людях особое внимание», «Опыт Российского сословника», «Повествование мнимого глухого и немого» и другие отнюдь не безобидные, каза-лось бы, с точки зрения монархини, произведения).

В 1784 —1785-х гг. Фонвизин путешествовал по Герма-нии и Италии. По возвращении его разбил паралич. Несмотря на тяжелую болезнь Фонвизин не прекращал работы: в 1785 г. анонимно вышел его перевод книги Циммермана «Рассуждение о национальном любочестии», в 1786 — напе-чатана повесть «Каллисфен». В том же году Екатерина Ива-новна Фонвизина отправилась с больным мужем за границу. Продолжительное лечение в Вене и Карлсбаде было не бес-полезно. А в 1788 г. Фонвизин даже предпринял попытку издавать собственный журнал «Друг честных людей, или Стародум», который по указанию Екатерины был запрещен. Предпринятая Фонвизиним в том же году попытка издать собрание своих сочинений также не увенчалась успехом — издание было запрещено. Около 1789 г. он начал работать над автобиографическим произведением «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (дошло в неза-вершенном виде). Летом 1789 г. Фонвизин ездил для лече-ния в Ригу, Бальдон и Митаву. Сохранился журнал этой поездки, представляющий, по выражению кн. Вяземского, «журнал страдальца и по мучениям, и по самым средствам исцеления, которые он претерпевал». Здоровье не возвраща-лось. Умер Фонвизин 1 декабря 1792 г. Похоронен в Александро-Невской лавре.

Литературное наследие Фонвизина получило высокую оценку писателей и поэтов XIX столетия. Батюшков пред-лагал выделить в истории нашей словесности особую эпоху, эпоху Фонвизина. Пушкин, познакомившись с «Разговором у княгини Халдиной», высказывал сожаление, «что не Фон-визину досталось изображать новейшие наши нравы». «Ли-тература екатерининского времени, — писал Белинский, — решительно заслоняет собою предшествовавшую ей литера-туру. Кроме Державина, в то время был Фонвизин, первый даровитый комик в русской литературе, писатель, которого теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но которого-го читать есть истинное наслаждение. В его лице русская лите-ратура как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с действительностью; его сочинения — живая летопись той эпохи».

Игровые уроки по Фонвизину

Сегодня для многих школьников чтение «Недоросля» подобно путешествию по тому маршруту, который за них выбрали взрослые, причём выбрали, руководствуясь старой традицией, а не пожеланиями самих юных туристов. Однако язвительная, наивная и мудрая комедия Дениса Фонвизина так ярко отражает свою эпоху, создаёт такой колоритный образ России XVIII столетия, что наши путешественники, поначалу зевающие и недоумевающие, начинают внимательно вглядываться в обступивший их мир и с удивлением убеждаются, что им здесь интересно. Да, интересно, несмотря на устаревший язык героев и их пространные нравоучения, выслушать которые молодёжь во все времена “не охотница”.

Нам же, учителям-“экскурсоводам”, стоит позаботиться о том, чтобы подопечные вернулись из этого путешествия не только с багажом знаний о крепостном праве или знаменитых трёх единствах. Пьеса даёт прекрасную возможность учить получая удовольствие — удовольствие от анализа комического текста, от чтения по ролям, от создания оригинальных творческих работ. Уроки по Фонвизину можно сделать уроками “благородного увеселения”, что немаловажно в наши дни, когда сами слова “увеселение” и “благородство” многими воспринимаются как антонимы.

В нашей практике традиционное занятие дополняется игровым. Его форма зависит от выбора программы, интересов учащихся, уровня их подготовки, умения работать самостоятельно и т.д. Бывает так, что восьмиклассники в первой четверти только-только входят в рабочий ритм, тогда первый урок по Фонвизину вместе с учителем проводят два-три увлечённых литературой и историей выпускника. Это “путешественники” — либо дворянин-крепостник и гуманный, но наивный “книгочей”, либо чиновник, никогда прежде не покидавший столицы, а может, гости из XXI века. Их везут мимо усадеб Простаковой и Скотинина, поясняя то, что “открывается взорам”. Поясняет ямщик, местный житель, или же дворянин — родственник, случайный попутчик.

Кто сочиняет тексты ролей — преподаватель или сами ученики, — зависит опять-таки от уровня подготовки и загруженности школьников. Как правило, ребята выписывают наиболее яркие цитаты, а затем уже вместе со словесником составляют весь сценарий и делают по нему презентацию (пейзажи, избы, портреты персонажей и т.п.).

В.О. Массалитинова в роли Простаковой. 1923 г.

Кстати, такое путешествие целесообразно и в XI классе для быстрого и эффективного повторения. Оно дополняется “посещением” спектакля Вольного российского театра с участием актёров Её Императорского

Величества Дмитревского и Шумского. Просвещённый дворянин, приведший своих друзей посмотреть “славную пиесу г-на Фон-Визина”, расскажет им о русском театре XVIII столетия — его традициях, репертуаре, законах сцены и, конечно, о самой комедии и судьбе её создателя. Главное, чтобы эта “товарищеская беседа” была не только содержательной, но и живой, естественной. Она организуется как мини-спектакль и требует от участников не только знания материала, но и умения входить в образ, а также работать “от партнёра”.

В хорошо подготовленных классах возможно проведение олимпиады по творчеству Фонвизина. Работа организуется как проектная деятельность. Создаются творческие группы, каждая из которых разыскивает материал о драматурге и его эпохе, пишет сцену, которая могла бы происходить в доме Простаковой (эти стилизации вывешиваются за три дня до итогового занятия). Кроме того, группа готовит две роли — двух персонажей Фонвизина, которые придут на встречу со школьниками XXI века, чтобы побеседовать о том, как воспитывать детей, как обеспечить благосостояние своей семьи, как исполнять государеву службу и т.п. Защитой проекта становится сама олимпиада.

Такие мероприятия хорошо проводить между классами-параллелями — в актовом зале, в костюмах, с использованием эффектов освещения и большого экрана. Однако даёт результат и камерная постановка. Сил и времени она отнимает совсем немного: за неделю до итогового занятия назначаются ответственные за роли Простаковой, Митрофанушки, Скотинина, Вральмана, Стародума и Софьи. Учитель знакомит их с примерными вопросами, и школьники вместе с выбранными ими помощниками делают подборку цитат, готовят ответы, создают сценические костюмы. На итоговом уроке они, как люди всем известные, дают учителю интервью, а могут усесться за самоваром и повести со спрашивающим их преподавателем непринуждённый разговор.

Надо сказать, что даже слабые и неактивные классы очень живо реагируют на эту милую беседу, начинают дополнять, уточнять ответы, а в результате весьма неплохо усваивают содержание и проблематику комедии. Во всяком случае, какой бы вариант работы ни был избран, выполняя её, школьники творчески растут и привыкают интересоваться классикой.

Путешествие

Александр: Ах, дядюшка, сколь приятно путешествовать по дорогам отечества нашего! Какой простор взору!

Дядюшка: (проснувшись от изрядного толчка на рытвине) Какие синяки бокам!

Александр: А что за деревня вон там, впереди? (Дядюшка уже погрузился в дрему, и вопрос обращается к кучеру.) Эй, любезный, что за деревня?

Кучер: Тарасовка. Барина Скотинина деревенька.

(Коляска въезжает в деревню, и на лице Александра появляются изумление и тревога.)

Александр: Дядюшка! (Тот мычит во сне. Кучеру.). А скажи-ка, братец, этот помещик, наверное, разорён и пребывает в несчастьи? Какие ветхие избы!..

Кучер: Так это, барин, крестьяне его разорены, а не он сам. Уж такой мастер оброк собирать — по всей округе славится.

Александр: Какая странная слава...

Кучер: Да ить ещё что делает. С соседями-то, сами знаете, всяко бывает. Так он в суд не жалится, а всякий убыток сдерёт со своих же мужиков, да и дело с концом.

Александр: Однако погоди, погоди... (Кучер притормаживает.) Вон там я вижу крепкие, добротные строения...

Дядюшка: (просыпаясь и потягиваясь) Что, засмотрелся? Да, у Тараса скотный двор — чудо. Обожает он своих свиней...

Александр: (перебивая) Погодите, дядюшка... Что за ужасные крики? Кому-то надо срочно подать помощь!..

Дядюшка: Чудак ты! Это же на конюшне кого-нибудь из людишек порют. (Пауза.) Ну вот и дом Тарасов. Сейчас заедем, поболтаем по-приятельски да закусим. Уж такой свинины ни у кого не отведаешь!

Александр: Знаете, дядюшка, у меня что-то нет аппетита. Поедемте дальше. Поедемте, прошу вас!

(Дядюшка, пожав плечами, опять засыпает. Какое-то время едут молча.)

Александр: (кучеру) Эй, ямщик, а кому принадлежит во-он та деревня?

Ямщик: Принадлежать-то она принадлежит барину Простакову, да только правит здесь всем не он.

Александр: А кто же?

Кучер: Его хозяйка — родная сестрица его благородию Скотинину. Целый день то бранится, то дерётся — на том, говорит, и дом держится. Бывает, и самому муженьку колотушки перепадают.

Александр: Каково же тут жить холопам...

Кучер: О том, барин, не спрашивай. Еремеевне, няньке, что барского сынка выкормила да вырастила, и то достаётся по пяти рублей на год да по пяти пощёчин на день.

Александр: Почему же сын не объяснит матери, что сие поведение бесчеловечно?! (Дядюшка просыпается от очередного толчка на ухабе и начинает с неудовольствием вслушиваться в слова юноши.) Почему не читает он ей философов наших...

Дядюшка: (перебивая пылкую речь племянника) Эх куда хватил! Не читает ей сын философов... Митрофан псалтырь — и ту по складам еле-еле за год разбирать выучился. Зато знает, как с холопами управляться! Чуть что — матушке нажалуется, а уж она...

Александр: Науки говорят на это...

Дядюшка: (перебивая его) Науки, науки... Начитался... Хозяйку здешнюю лучше послушай. Она всегда говорит: без наук люди живут и жили. Батюшка вон её грамоте не умел, а умел достаточек нажить и сохранить. Пятнадцать лет воеводою был! Челобитчиков принимал, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь да положит.

Александр: Так было, дядюшка, во времена дикие, непросвещённые! С царствования же великого государя нашего Петра Алексеевича...

Дядюшка: Не к ночи он будь помянут...

Александр. Теперь все дворянские дети, к службе готовясь, учиться обязаны!

Дядюшка: Ну, слава Богу, от службы этой нас закон ещё в 62-м году освободил. Сей указ ещё покойный Пётр III подписал, а государыня при восшествии на престол его подтвердила — понимала, матушка, чего подданные ждут.

Александр: Послушайте, дядюшка, указ этот толкуете вы неправильно! Он не снимает обязанности служить отечеству! Он просто принудительную службу заменил обязанностью нравственной.

Дядюшка: Чего-чего?

Александр: Нравственной обязанностью каждого просвещённого дворянина.

Дядюшка: Молод ты ещё, племянничек, вот что я тебе скажу. Раз не прописано за неявку плетей да палок — значит, можем мы спокойно сидеть в именье своём да за порядком надзирать — вот как хозяйка здешняя делает. И ты, друг мой, не книжки читай, а нас, умных людей, слушай. Учись-ка ты лучше не философии своей, а умению денежки копить да людишек в страхе держать. Тогда и порядок, и достаток, и уважение от других — всё у тебя будет.

(Довольный собой, дядюшка устраивается поудобнее, сладко зевает и засыпает.)

Александр: (сам себе) Боже мой, как странно... И как страшно! Где же искать друга честных людей? Неужели нет в отечестве нашем опоры человеколюбию?

Учитель: (подходя к нему) А вот, сударь, извольте с этими книгами и с журналом ознакомиться.

(На экране изображения книг: «Придворная грамматика», «Бригадир», «Недоросль»; журнала «Друг честных людей, или Стародум».) Много пользы душе своей найдёте, много. Уж вы мне поверьте.

Олимпиада, посвященная жизни и творчеству Д.И. Фонвизина

Первый тур (Блицтурнир)

Вопросы адресуются всем участникам. За каждый правильный ответ команде начисляется по одному баллу.

I. Давайте перенесёмся в эпоху Дениса Ивановича Фонвизина.

1. Скажите, как связана судьба драматурга с деятельностью М.В. Ломоносова?
2. Назовите русских деятелей культуры — современников Фонвизина. (Называются сразу три фамилии.)
3. По чьему плану и под чьим покровительством Фонвизин написал «Рассуждение о непременных государственных законах» — первый “проект” русской конституции?

4. Назовите журналы, издававшиеся в России во второй половине XVIII века, и имена их издателей.
5. Кто подписывался псевдонимом “Госпожа Ворчалкина”?
6. Как назывался журнал, издававшийся самим Фонвизиным?
7. Какую роль сыграли актёры Волков и Дмитревский в жизни и творчестве Фонвизина?

II. А теперь нас ждёт путешествие в усадьбу госпожи Простаковой.

1. Скажите, как звали её супруга?
2. Каким наукам обучался Митрофанушка?
3. Какую должность пятнадцать лет занимал отец госпожи Простаковой?
4. Из-за чего господин Стародум подал в отставку?
5. Назовите внесценических персонажей — отрицательных героев комедии.

III. Продолжите реплики героев.

1. “Здорово, дядюшка! Что так...”
2. “Имей сердце, имей душу и...”
3. “Бредит, бестия! Будто...”
4. “Не будь тот Скотинин, кто...”
5. “Степени знатности рассчитываю я по числу дел...”

Второй тур

Проверка домашнего задания

Каждая команда готовит ответ на один из вопросов. Максимальная оценка за ответ — 4 балла.

Расскажите в трёх предложениях:

- о русском театре XVIII века;
- о проблематике пьес Фонвизина;
- о сатирических приёмах Фонвизина-драматурга.

Третий тур

Команда может использовать косметику, грим, просить помощь у зала. Максимальное количество баллов — 3.

Выберите из зрителей или участников своей команды подходящие “модели” и за три минуты превратите их в героев комедии.

Четвёртый тур (Беседа с персонажами комедии)

Для того чтобы беседа с персонажами Фонвизина оказалась интересной и содержательной, заранее распределяются роли и объясняется общий характер вопросов. Каждая команда представляет двух героев. Ведёт беседу учитель. Максимальное количество баллов — 10.

Вопросы госпоже Простаковой:

1. Сударыня, слышали мы, что вы хозяйка опытная и все дела сами ведёте. А ведь руководить людьми, хотя бы и крепостными крестьянами, — труд нелёгкий. Скажите, как же вы управляетесь?
2. Однако доходы с имения пока невелики. Как, по-вашему, их можно увеличить?
3. Беспокойная у вас жизнь, сударыня. Какие же книги вы ради отдыха читать изволите?
4. Говорят, ваш батюшка против учения был. А зачем же вы учителей к Митрофанушке наняли?
5. Взгляните, сударыня, на девушек в этом зале. Это ведь тоже будущие мамы. Поучите же их уму-разуму, объясните, как нужно детей воспитывать.

Вопросы Стародуму:

1. Господин Стародум, беседа с вами всегда поучительна. Объясните нам, как сумели вы нажить состояние и как решили им распорядиться?
2. Говорят, вы были при дворе, однако отошли от двора без чинов, без наград, то есть ни с чем. Правда ли это?
3. Скажите, сударь, кого вы почитаете знатным и богатым?
4. А кто же, по-вашему, богат из людей нашего, XXI века?
5. Ваши правила удивления и восхищения достойны. Что бы вы пожелали сидящим в этом зале отрокам?

Вопросы Митрофанушке:

1. Митрофан Терентьевич, не расскажете ли нам, что вчера поделявать изволили?
2. Матушка ваша — дама с характером, даже супругу спуску ни в чём не даёт. А вот вами она всегда довольна... И как только вы этого добиваетесь?
3. Слышали мы, в учителях у вас Вральман — немец. Что же вы из его уроков усвоили?
4. А скажите, как это вы в одночасье решили на племяннице Стародума жениться? Вроде она вам никогда не нравилась...
5. Вам, сударь, скоро на службу идти. А эти вот, что в зале сидят, вас года на два помоложе будут. Они нас, учителей, не всегда слушают — мы, дескать, молодёжь плохо понимаем. Так, может, вы им объясните, как

себя к взрослой жизни готовить — чему учиться, какие знакомства заводить, какую службу выбирать?

Вопросы Софье:

1. Скажите, сударыня, как случилось, что вы оказались в имении у госпожи Простаковой?
2. Как она обращалась с вами?
3. Это были трудные дни. В чём же находили вы отраду и утешение?
4. А скажите, сударыня, какие книги трогают ваше сердце?
5. Сударыня, я должна открыть вам важный секрет. Маркиз де Ветрогон, увидев вас в Собрании, где танцевали вы по возвращении в Москву, пленился вами, и чувства его столь пылки, что он молит вас о кратком свидании наедине. Он богат и знатен, он осыплет вас драгоценностями, а мужу вашему, Милону, окажет покровительство. Что вы прикажете ответить на пылкое письмо маркиза?

Вопросы Скотинину:

1. Господин Скотинин, сестрица ваша — особа самостоятельная. Однако ж просила она вас чему-то её поучить, а вот чему — я запомнила. Не подскажете ли, в каком это умении вы её превосходите?
2. Вот вы часто говорить изволите, что ученье — вздор. А из чего же вы это выводите, какими примерами доказать можете?
3. Вы на Софьюшке, Стародума племяннице, жениться собирались. Неужели вам эта девчонка так понравилась?
4. Не потаите, господин Скотинин, расскажите, в какие дни вы особенно радостны?
5. А не скучно ль вам в деревне вашей? Если бы в нашем времени оказались, с кем бы дружбу свели?

Вопросы Вральману:

1. Послушайте, Вральман, а как это вы, кучер, в учителя попасть умудрились?
2. Неужели что-либо подобное случилось в России и с другими иностранцами?
3. А каково ваше жалованье в доме Простаковой?
4. Должна заметить, что Простаковы облагодетельствовали вас. Какие чувства вы питаете к своим русским благодетелям?
5. Слава Богу, что хоть в наше время изжито преклонение перед всем иноземным... А может, не изжито? Что по этому поводу думаете?

Пятый тур

Вопросы задаются всему залу. Отвечает первый поднявший руку.

Вот уже двести с лишним лет школьники комментируют высказывания персонажей «Недоросля». Сегодня они поменяются ролями: герои Фонвизина прокомментируют фразы из сочинений и ответов наших учеников.

1. “Сочинение по поэме Лермонтова «Мцырь». Жизнь Мцыря...”
2. “Ломоносов был основоположником села — ботанической системы...”
3. “Оруженосцы напоминали рыцарей, только на рыцарях было больше узоров...”
4. В предложении “Солнце скрылось, и резкое дуновение ветра подхватило листья” ученик пропускает запятую и на вопрос, почему он решил её не ставить, бодро отвечает: “А ветер только потом подул!”
5. Вопрос: “Что вы знаете о Моцарте?” Ответ (причём чистосердечный): “Он в «Спартаке» играет, фолит часто”.

Заключение

Инсценировка из «Недоросля»

Инсценировка делается одна, общими силами. По окончании её жюри объявляет итоги состязания.

Автор «Игровых уроков по Фонвизину» Пойкова Любовь

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. LiveJournal. Дневники Д.И. Фонвизина: путешествие в Европу: электр. ресурс с текстами дневника Д. И. Фонвизина с его впечатлениями о европейских странах [электрон. ресурс]. – режим доступа// <http://history-club.livejournal.com/11715.html>, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.
2. Дерево предков и потомков Д.И. Фонвизина [электрон. ресурс] – режим доступа// <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:213490>, свободный. – электрон. текст. дан.

23 АПРЕЛЯ
450 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА,
АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА И
ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА
(1564 -1616)

СЦЕНАРИЙ ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЕННОГО У. ШЕКСПИРУ

На сцене Шекспир, пишущий за столом, свеча, перо.

На фоне музыки звучит сонет Шекспира.

Музыка: Моцарт диск №6 Сонет № 21

Ведущий 1: Время далеко за полночь, а спать совсем не хочется. Слова и образы переполняют ум и сердце, и все хочется запечатлеть, ничего не упустить... Все важно, все значимо... Может быть так, забывши обо всем, оставив шумную компанию друзей – актеров, празднующих окончание очередного спектакля, не замечая течения времени, много – много лет тому назад в далекой Англии творил свои бессмертные произведения великий Уильям Шекспир.

На экране портрет Шекспира.

Ведущий 2: Интерес к Шекспиру неуклонно растет. Все больше людей приобщается к его произведениям, и в связи с этим, естественно, расширятся круг тех, кто хочет узнать и о том, какой он был человек. Но если с его творчеством познакомится легко, то личность Шекспира отнюдь не столь открыта для нас.

Теперь Уильям Шекспир признан одним из величайших писателей мира. Он – гордость человечества. Но в глазах современников Шекспир не был значительной величиной. Тогда его не считали таким великим, и известность его была гораздо меньшей.

Свои главные произведения Шекспир написал для общедоступного народного театра. В те времена театр считался развлечением сравнительно

низкого рода. Достаточно сказать, что в пределах Лондона городские власти не разрешали строить театры и давать публичные представления. Буржуа-пуритане, управлявшие муниципалитетом столицы, видели в театрах источник разложения нравов и одну из причин распространения чумы. Театры строили за городской чертой, там, где находились всякого рода злачные места и такие развлечения, как загоны для травли медведя и арены для петушиных боев.

Хотя актеров жаловали при дворе и приглашали туда давать представления, драма отнюдь не считалась высоким искусством.

В печати фамилия Шекспира впервые появилась в 1583 г. И в 1597 г. его фамилия в первый раз появилась на титульном листе издания пьесы. То была комедия «Бесплодные усилия любви».

Ведущий 1: А сколько всего пьес написал Шекспир? (37).

И вы прекрасно знаете, что художники всех стран и поколений припадали к неиссякаемому источнику Шекспировских творений. Очень многие произведения экранизированы и у нас и за рубежом. Посмотрите, пожалуйста, отрывки из фильмов и скажите, что это за произведения.

Ведущий 2: Уже при жизни Шекспира характеризовали как драматурга, «наипревосходнейшего в обоих видах пьес», то есть в трагедии и комедии. И все же его имя оставалось известным лишь узкому кругу литераторов и актеров. Положение Шекспира как драматурга не было ни почетным, ни уважаемым. Писателям еще предстояла долгая борьба за достойное положение в обществе. Конечно, люди, понимавшие толк в искусстве, уже при жизни ценили Шекспира, о чем свидетельствует ряд отзывов его современников. Но его общественное положение ни в малой степени не идет в сравнение с тем, как к нему стали относиться полтора столетия спустя и позже. В середине XVIII века его признали классиком. Возник и развился подлинный культ Шекспира, и в начале XIX века его провозгласили величайшим поэтом.

Ничего подобного даже отдаленно при жизни Шекспира не было и не могло быть. Поэтому не следует удивляться, что никому из современников не пришлось тогда в голову собрать сведения о нем и написать его биографию. Жанр биографии деятелей культуры начал развиваться в Англии лишь четверть века спустя после смерти Шекспира.

Серьезное изучение Шекспира началось в XVIII веке. Не следует удивляться тому, что ученым приходилось заниматься и текстами сочинений Шекспира. В его время издательское дело находилось на сравнительно ранней стадии развития. Первая книга в Англии была напечатана в 1475 году, то есть всего за девяносто лет до рождения Шекспира.

Все это надо иметь в виду, когда мы пытаемся понять судьбу Шекспира. Она не похожа на судьбу таких великих писателей, как Гете, Бальзак, Пушкин, Тургенев, Толстой, - словом, тех писателей нового времени, чей жизненный путь известен до мельчайших подробностей. Если, однако, мы теперь имеем представление о жизни Шекспира и условиях, в каких он творил, то этим мы обязаны многим поколениям ученых, долго и старательно искавших сведения о великом драматурге.

Ведущий 1: Дорогие друзья, мы приготовили для вас небольшой сюрприз. К нам на вечер приехал гость из Англии, который с огромным удовольствием расскажет об интересных фактах из жизни и творчества Уильяма Шекспира.

Музыка Ренессанса № 11

Ведущий 3: А знаете ли вы, друзья, что:

- Уильям Шекспир обладал гигантским словарным запасом - от 20 до 25 тысяч слов, современный же англичанин с высшим образованием употребляет не более 4 тысяч слов.
- Шекспир ввел в английский язык около 3200 новых слов - больше, чем его литературные современники вместе взятые.
- Не сохранилось ни одной рукописи Шекспира. Сохранились лишь шесть подписей на официальных документах сделанные его рукой.
- По утверждению Бена Джонсона Шекспир «знал немного по-латыни и еще меньше по-гречески», хотя, как показывают его пьесы, он хорошо владел иностранными языками - французским, итальянским, греческим и латынью.
- Вся семья Шекспира - отец, мать, жена, дети - были не грамотны. На данный момент нет ни одного сведения о том, что сам Шекспир был грамотным.
- Прямой род Шекспира прервался в 1670 году со смертью внучки Элизабет.

Ведущий 2: Спасибо вам за интересный рассказ, уважаемый гость.

Англия – страна, где свято чтят традиции, Одна из них – почитание таланта своего соотечественника – Уильяма Шекспира. Но надо отметить, что сам Шекспир остается по-прежнему загадочным. Иначе и не может быть, поскольку не сохранилось никаких документов, приоткрывавших завесу над личной жизнью писателя.

Несомненный разрыв между прозаическими фактами житейской деятельности Шекспира (мы знаем, что официально он был обыкновенным обывателем) и его поэтической драматургией издавна вызывал вопрос: как совместить заботливого собирателя имущества и владельца прекрасного дома Нью-Плейс с автором «Ромео и Джульетты», «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», «Антония и Клеопатры».

Кроме того, у уроженца Стратфорда отмечают недостаток образования. Он действительно не окончил университета. А ведь шекспировские произведения свидетельствуют не только о гениальном художественном мастерстве их автора, но также об огромном, ни с чем не сравнимом богатстве языка Шекспира.

Большинство противников стратфордца выдвигают в качестве автора произведений Шекспира разных представителей знати эпохи Елизаветы. (Графов Оксфорда, Дарби, Ретленда и многих других).

Ведущий 1: Специальные исследования, проведенные учеными за последние полтора столетия, показали основательность познаний Шекспира в английской истории, юриспруденции, риторике, музыке, ботанике, медицине, военном и даже морском деле. Удивляет доскональное знание Шекспиром многих городов Северной Италии. Места действия пьес - Венеция, Падуя, Верона, Милан, Мантуя.

А ведь их автор ни разу не покидал пределы Англии.

Посмотрите, пожалуйста, небольшие отрывки из пьес Шекспира. Надеюсь, вы узнаете, что это за произведения.

Ведущий 2: Да, можно сомневаться в авторстве, но для нас главное – это произведения, которые вызывают в душах людей живой отклик вот уже не одно столетие. Это произведения, которые волнуют людей так же, как и много лет тому назад.

Давайте представим на мгновение тот мир, в котором творил великий художник. XVI век, Лондон. Каким он был?

Музыка Паганини № 5.

Журнал «Speak Out»

Ведущий 1: Посмотрите, пожалуйста, отрывки из пьес Шекспира «Ромео и Джульетта» и «Двенадцатая ночь».

Звучит песня в исполнении А. Пугачевой на стихи Шекспира.

Ведущий 2: Великий Бард писал сонеты. Что это за форма поэтического творчества?

Музыка Рахманинова «Вокализ»

Рассказ о сонетах и их переводах на русский язык.

Ведущий 3: Сонеты Уильяма Шекспира – стихотворения Уильяма Шекспира, написанные в форме сонета (стихотворение из 14 строк, образующих 2 четверостишия-катрена). Всего их 154 и большая часть написана в 1592—1599 годах. Впервые сонеты Шекспира были напечатаны в 1609 году, очевидно, без ведома автора. Однако два сонета появилось в печати ещё в 1599 году в пиратском сборнике «Страстный пилигрим». Это сонеты 138 и 144.

Весь цикл сонетов распадается на отдельные тематические группы:

Сонеты, посвящённые другу: 1—126

Воспевание друга: 1—26

Испытания дружбы: 27—99

Горечь разлуки: 27—32

Первое разочарование в друге: 33—42

Тоска и опасения: 43—55

Растущее отчуждение и меланхолия: 56—75

Соперничество и ревность к другим поэтам: 76—96

«Зима» разлуки: 97—99

Торжество возобновлённой дружбы: 100—126

Сонеты, посвящённые смуглой возлюбленной: 127—152

Заключение — радость и красота любви: 153—154

В России интерес к творчеству Шекспира и его "Сонетам" возникает в первой половине XIX в. В 1842 г. В.П. Боткин, анализируя "Сонеты", пишет в "Отечественных записках", что они "дополняют то, что относительно внутренней настроенности Шекспира нельзя узнать из его драм". Первые попытки художественного перевода отдельных сонетов сделали Ив. Мамуна и Д. Аверкиев, однако, у них мало что получилось. По-настоящему с

"Сонетами" русского читателя познакомил Н. Гербель, сделав полный их перевод (1880). Однако в эстетическом плане перевод оказался слабым и был встречен критикой недоброжелательно. В 1904 г. вышло в свет полное собрание сочинений Шекспира под редакцией С. Венгерова, включавшее полный перевод "Сонетов", выполненный русскими поэтами-переводчиками, в том числе Н. Гербелем, А. Федоровым, Ив. Мамуной, В. Лихачевым, Ф. Червинским, Н. Холодковским, К. Случевским. В итоге получилось то, что принято называть "лоскутным одеялом", т.е. полный разнобой в эстетическом понимании и техническом исполнении. Следующим шагом в "освоении" "Сонетов" стал полный (без двух сонетов - 135, 136) перевод М. Чайковского (1914). Он достоин всяческого внимания, хотя и изобилует (впрочем, вполне объяснимыми) провалами. В советское время ситуацию решительно переменял С. Маршак. В 1948 г. увидел свет его полный перевод Сонетов, который был вскоре удостоен Сталинской премии и снискал всенародную любовь. С тех пор этот перевод канонизирован и переиздан сотни раз.

Заслуживал ли он того? Безусловно. Читатель находит в этом переводе немало прекрасных строк.

Однако наряду с дифирамбами в адрес этого перевода раздавались и трезвые голоса критики, хотя в то время критиковать лауреата Сталинской премии было небезопасно. Здесь следует отметить смелую статью П. Карпа и Б. Томашевского в "Новом мире", № 9 за 1954 г. Несколько позднее более развернутую критику выдвинули Н. Автономова и М. Гаспаров (1969). Они вычленили "доминанту отклонений" перевода от подлинника, отмечая, что "спокойный, величественный, уравновешенный и мудрый поэт русских сонетов отличается от неистового, неистощимого, блистательного и страстного поэта английских сонетов... Сонеты Шекспира в переводах Маршака - это перевод не только с языка на язык, но и со стиля на стиль".

Сказано в самую точку! Какой же поэт без своей индивидуальности, без своего стиля? В переводах Маршака практически нет Шекспира, так как отсутствует стиль Шекспира, отсутствует стих Шекспира - густой, костистый, риторический (т.е. красноречивый!), логически безукоризненный и воистину блистательный. Маршак же многое упростил, разбавил, подкрасил. А, кроме того, он слишком многого не увидел (или не захотел увидеть) в тексте оригинала, а стало быть, и неверно (тут уже по смыслу!) перевел.

С этими "безобразиями" пытались бороться, и не без определенного успеха, поэты-переводчики А. Финкель, И. Фрадкин и другие, но их переводы получились если и более "правильными" (по стилю и по смыслу), то существенно уступали переводам Маршака по качеству исполнения. Поэтому едва ли неискушенный читатель полюбит их с тем же жаром, с которым он полюбил переводы Маршака.

Ведущий 1: Когда слушаешь эти чудесные стихи, не покидает ощущение философской глубины видения Великим Бардом этого Мира и места человека в нем. Он ясно различает – и хочет, чтобы мы тоже различали, - Добро и Зло.

Творчество Шекспира вдохновляло художников разных жанров: писателей, композиторов, живописцев.

Звучит ария Дездемоны из оперы Верди «Отелло» в исполнении М. Каллас, величайшего голоса 20 века.

Ведущий 2: Стихотворение Джона Мильтона о Шекспире.

К чему тебе, Шекспир наш бесподобный,
Величественный памятник надгробный?
Над местом, где твой прах святой зарыт,
Не надо строить вечных пирамид -
Заслуживаешь большего по праву
Ты, первенец молвы, наперсник славы.
В сердцах у нас себе воздвиг ты сам
Нетленный и слепящий взоры храм.
Тебя не обессмертило ваянье,
Но множатся твоих трудов издания,
И глубиной дельфийских строк твоих
Ты так дивишь всех, кто читает их,
Что каменеет мы от восхищенья,
И мрамор нашего воображенья
Идет тебе на монумент такой,
Под коим рад бы спать монарх любой.

Музыка Паганини № 2.

Ведущий 1: В чем секрет популярности Шекспира в наши дни? – В том, что он писал о вечном: о любви и ненависти, дружбе и ревности, о добре и зле.

Современные мальчишки и девчонки также влюбляются, также страдают и также верят в силу Вечной Любви. А вы знаете, что в Италии есть дом, в котором, якобы, жила Джульетта?

В Вероне семье Капелло принадлежал дом на улице Капелло на протяжении многих веков. Герб Капелло до сих пор можно увидеть на внутренней стороне арки, ведущей во двор. По сути, сходство фамилий Капелло и Капулетти (фамилии Джульетты) породило народное поверье о

том, что это тот самый дом, в котором жила Джульетта Капулетти, героиня пьесы Шекспира.

Само здание выстроено в XIII веке. В XIX веке в нем размещалась дешёвая гостиница, и к XX веку здание окончательно обветшало.

Серьёзная реставрация, в ходе которой у дома появились новые окна и двери, в точности такие, какие должны быть у дома, с которым связана такая романтическая легенда. Кроме того, был отремонтирован балкон.

Балкон этот – Балкон Джульетты – знаменитый на весь белый свет – можно увидеть со двора дома. Это якобы тот самый балкон, на котором трагическая героиня плакала о своём Ромео. Да и вообще приятно порой помечтать, глядя на балкон старинного вида, ведь это – символ любви. Многие девушки, стоя на балконе, пребывали в романтических мечтах. Или общались со своими возлюбленными, в том случае, если балкон невысок и позволяет это делать.

Кстати, кроме балкона, можно ещё увидеть и бронзовую статую Джульетты. Считается, что, если потереть её правую грудь, это принесёт удачу. так что не удивляйтесь тому, что правая сторона статуи более блестящая, чем левая.

Существует ещё поверье, что, если приклеить любовную записку у окна Джульетты, это принесёт счастье в любви. Много таких желающих находится, так что администрация приняла решение установить в доме компьютеры при помощи которых можно написать письмо Джульетте. Все послания поступают в её фан-клуб.

Внутри дом Джульетты представляет собой маленький музей. Все экспонаты его являются подлинным антиквариатом XVI-XVII вв. Фрески, живопись, керамика – всё так или иначе связано с пьесой Шекспира.

Неподалёку от дома расположена гробница Джульетты, специально для романтиков.

Скептики насмеются над всем этим и говорят, что дом Капелло не имеет ничего общего с Джульеттой Капулетти, которой, может, и на свете никогда не было, точно так же, как и великой её любви.

Ну что ж, жила Джульетта на свете когда-нибудь или её вовсе никогда не существовало – это уже не важно. Главное, что есть бессмертная шекспировская пьеса и есть дом Джульетты, посетить который считают

своим долгом бесчисленное количество людей – по той причине, что, побывав в Вероне, обойти этот дом стороной практически невозможно.

Музыка Гайдн «Серенада №3».

Использованная литература:

1. “Speak out” №1 2005, №3 2004, Альманах “Let’s go to London, №2 (54) 2006

И. Гилилов «Игра об Уильяме Шекспире или тайна великого Феникса»

Автор Королькова И.Н

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Электронная энциклопедия «Мир Шекспира» [электрон. ресурс]. – режим доступа// <http://world-shake.ru/>, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.

2. Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир» [электрон. ресурс]. – режим доступа// <http://rus-shake.ru/>, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.

24 АПРЕЛЯ
115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА НАБОВОВА,
РУССКОГО И АМЕРИКАНСКОГО
ПИСАТЕЛЯ, ПОЭТА,
ПЕРЕВОДЧИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДА
(1899 -1977)

Владимир Владимирович Набоков (псевдонимы: В. Сирин, Василий Шишков) — русский и американский писатель, прозаик, поэт, драматург, литературовед, переводчик, энтомолог.

В литературной истории 20 века Набоков занимает уникальное место, и определяется оно в первую очередь его двуязычием. Уроженец России, он пронес память о родине через годы, материализовал ее в десятках произведений самого разного жанра и по праву стал одним из премьеров русской литературной сцены. В то же время Набоков считается классиком новейшей американской прозы, которого называют своим ближайшим предшественником тамошние «шестидесятники» — Курт Воннегут, Джон Симмонс Барт, Томас Пинчон и Т. Сазерн. Более того, строго говоря, Набоков как писатель родился по ту сторону Атлантики, в русских же литературных хрониках существует «В. Сирин» — псевдоним, которым подписаны первые, начала 1920-х годов, поэтические сборники («Гроздь», «Горный путь») и который сохранился вплоть до конца 1930-х годов. Тем не менее этому художнику-кентавру присуща редкостная творческая цельность, что определяется единством художественной проблематики и внутренней убежденностью в том, что «национальная принадлежность стоящего писателя — дело второстепенное. Искусство писателя — вот его подлинный паспорт».

Владимир Владимирович переводил и пересказывал на русский язык произведения английского писателя, математика и логика Льюиса Кэрролла, который написал такие бессмертные произведения, как "Алиса в стране чудес".

Владимир Набоков родился 24 апреля (12 апреля по старому стилю) 1899 года, в Санкт-Петербурге, в семье видного юриста-либерала, потомственного дворянина Владимира Дмитриевича Набокова (по другим данным родился 22 апреля (10 апреля по ст.ст.)). Дед писателя, Дмитрий Николаевич Набоков, занимал пост министра юстиции при Александре II. Мать, Елена Ивановна, происходила из известного рода золотопромышленника-миллионера Рукавишниковых. Детство писателя

прошло в Петербурге, на лето семья выезжала в собственное небольшое поместье Батово близ Выры.

Рядом с Батовом находилось огромное богатое поместье Рождествено, принадлежавшее дяде будущего писателя В. И. Рукавишникову, который завещал его своему племяннику. Эти места в памяти Набокова запечатлелись на всю жизнь. Накануне Октябрьского переворота он успел окончить Тенишевское училище, где отличался не только успехами в учебе, но и в спорте.

Бегство из России. Эмиграция

В 1918 юный Вова Набоков вместе с семьей сначала бежал в Крым, а затем в 1919 эмигрировал из России. Семья Набоковых обосновалась в Берлине, а будущий писатель поступил в Кембриджский университет (знаменитый «Тринити-колледж»), который успешно закончил в 1922. После учебы в Кембридже осел в Берлине (1922-1937). Затем судьба привела его на два года во Францию, а буквально накануне вторжения дивизий гитлеровского вермахта в Париж в 1940 Владимир Набоков вместе с женой и маленьким сыном Дмитрием (впоследствии певцом Миланской оперы и энергичным пропагандистом отцовского литературного наследия) пересек Атлантику и почти 20 лет оставался в США, сочетая писательство с преподавательской деятельностью (сначала в одном из колледжей, затем в крупном университете США — Корнелльском, где читал курсы русской и мировой литературы). В 1945 В. Набоков получил американское гражданство. Здесь же он сделал себе достойное имя как энтомолог — интерес к бабочкам, пробудившийся еще в юные годы, развился не только в страсть любителя, но и в профессиональное занятие.

Россия Набокова

В 1959 Владимир Владимирович возвратился в Европу и поселился в Швейцарии, где провел оставшиеся ему годы. Путь, в общем, характерный (хотя и с неповторимыми вариациями) для русского писателя-эмигранта. Схожий путь проделали многие, включая, например, известного поэта и критика Георгия Викторовича Адамовича, бескомпромиссного критика Набокова, пародийно изображенного им во многих сочинениях, а также Нине Николаевне Берберову, напротив, всегдашнюю его поклонницу. Тем не менее в кругу берлинской, а затем парижской литературной диаспоры Набоков сразу же занял совершенно особое положение. Его Россия не похожа на Россию Ивана Алексеевича Бунина, Александра Ивановича Куприна, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева. В ней нет места узнаваемому городу и узнаваемой деревне, нет персонажей, которых можно было бы назвать русскими типами, нет сколько-нибудь непосредственного отображения катаклизмов, потрясших национальную историю минувшего столетия. Россия Набокова или, точнее, Россия Сирина (одно из значений этого слова, по Далю, — райская птица русского лубка) — это образ утраченного детства,

то есть невинности и гармонии, это «знак, зов, вопрос, брошенный в небо и получающий вдруг самоцветный, восхитительный ответ». Так сказано в «Машеньке» (1926) — романе, принесшем автору первую известность, и далее эта метафора, принимая разнообразные стилистические формы, пройдет через все творчество писателя, вплоть до последней его большой книги на русском языке — автобиографии «Другие берега».

Россия Владимира Набокова — это также безукоризненно-индивидуальный язык, который он считал главным своим достоянием. «Когда в 1940 году, — говорится в предисловии к «Другим берегам», — я решил перейти на английский, беда моя заключалась в том, что перед этим, в течение пятнадцати слишком лет, я писал по-русски, и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого или Иванова, или русской публицистики, — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия». Наконец, Россия Набокова — это классическая русская литература. Запад обязан ему переводами на английский (отчасти и на французский, которым автор тоже владел в совершенстве) Пушкина, Лермонтова, Тютчева, «Слова о полку Игореве». Вместе с метафорическим образом России как утраченного рая через все книги Набокова проходит одна экзистенциальная тема, одна ключевая оппозиция: противостояние творческой, то есть независимой, личности любым попыткам покушения на свою свободу. Она определяет строение и звучание таких романов, как «Защита Лужина» (1929), «Отчаяние» (1936), «Дар» (1937).

Творческое кредо

Больше всего на свете Владимир Владимирович ненавидел, ненавидел остро и изошренно то, что он называл «пошлостью», вкладывая в это понятие чрезвычайно просторное содержание. Пошлость в наиболее элементарном виде — это буржуазность, только не в марксистском, как неустанно напоминал Набоков, а во флюберовском смысле, например, «гитарист-мексиканец стоит с гитарой по колено в пруду в розовых шелковых панталонах, на поверхности покачиваются головки лилий, он поет серенаду, а его возлюбленная стоит на балконе, дело происходит в полночь, и лепестки лилий опадают». Пошлость — это покушение морали, философии, истории на суверенные границы искусства. Вот почему Набоков так агрессивно атаковал Томаса Манна, Андре Мальро и даже Достоевского, так презрительно отвергал распространенное суждение о Гоголе как о разоблачителе социальных пороков и сострадатель «маленького человека». «Его произведения, как и всякая великая литература, — это феномен языка, а не идей». Пошлость — это требования гражданственности в литературе. Как художник, как филолог-литературовед, как университетский профессор

Набоков находился в состоянии перманентной войны с традицией революционно-демократической критики в России.

Наиболее острую форму она приняла в романе «Дар», одна из пяти глав которого представляет собой сочиненную героем художественную биографию Николая Гавриловича Чернышевского.

На ту же тему Набоков высказался во вступительной лекции к корнеллскому курсу русской литературы и предисловии к русскоязычному переводу романа «Лолита»: «Я не читаю и не произвожу дидактической беллетристики... Для меня рассказ или роман существует, только поскольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением... Все остальное это либо журналистская дребедень, либо, так сказать, Литература Больших Идей, которая, впрочем, часто ничем не отличается от дребедени обычной, но зато подается в виде громадных гипсовых кубов, которые со всеми предосторожностями переносятся из века в век, пока не явится смельчак и хорошенько не трахнет по Бальзаку, Горькому и Томасу Манну». Наконец, пошлость — это тоталитарные режимы, прежде всего сталинский и гитлеровский, кривозеркальное отражение которых явлено в романах «Приглашение на казнь» (1938), «Под знаком незаконнорожденных» (в английском оригинале — «Bend Sinister»), рассказах «Королек» (1933), «Истребление тиранов» (1936), «Озеро, облако, башня» (1937), пьесе «Изобретение Вальса» (1938) и ряде других произведений. Конфликт в них также решается экзистенциально, то есть в плане противостояния личной свободы внешнему насилию, отчего Владимир Набоков всегда возражал против сравнения их со слишком актуальными (публицистическими, по его мнению) антиутопиями Джорджа Оруэлла, соглашаясь признать некоторые переключки с Францем Кафкой.

Противоположный полюс художественного мира Владимира Набокова — творческий дар и его носитель — художник, будь он поэтом, как Федор Годунов-Чердынцев («Дар»), шахматистом, как Александр Лужин («Защита Лужина»), человеком без профессии и биографии, но человеком непроницаемым, то есть самодостаточным в мире, где тайна преследуется по закону (Цинциннат из «Приглашения на казнь»).

Американский писатель

Центральные темы и общие эстетические основания творчества В. Сирина нашли продолжение и развитие в англоязычном творчестве Набокова.

В известном смысле язык, виртуозный и неповторимый, является не только «орудием и посредником», но и героем всех его книг. Владимира Набокова нередко сравнивали с Джозефом Конрадом, который также стал классиком литературы на языке, не являющемся для него родным изначально (по национальности Конрад — поляк), но автора «Лолиты» такое сравнение

коробило. Конрад, говорил он, лучше меня умеет обращаться с «готовым английским, но ему недоступна моя словесная эквилибристика».

Равным образом в главных «американских» произведениях Владимира Набокова — романах «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Под знаком незаконнорожденных» (1944), «Бледный огонь» (1962), юмористической повести «Пнин» (1957), своеобразной мемуарной трилогии («Убедительное свидетельство», 1951, «Другие берега», 1954, «Память, говори», 1966) — всегда более или менее определенно противопоставлены искусство как подлинная реальность и «действительность» как угрюмое здравомыслие, как реальность мнимая или все та же пошлость во всех ее многоликих формах, от невинно-комических до казарменно-разрушительных.

Самый скандальный роман писателя

Особое место в этом ряду занимает «Лолита» (1955) — единственный из романов Набокова, переведенный на русский самим автором.

Эта книга принесла ему всесветную известность скандального, правда, толка, что и неудивительно: сюжетную ее основу образовала любовная история господина вполне зрелых лет и двенадцатилетней девочки-нимфетки. Но сюжет — лишь обрамление неизбывной экзистенциальной тоски. Резкое своеобразие романа заключается не в обилии скабрёзных сцен (их не так много на самом деле, на что счел необходимым обратить внимание сам автор, объясняясь с «читателями-туристами» в послесловии к русскому изданию романа), а в откровенном сдвиге пропорций. Если в прежних книгах человеческий дар и бездарная пошлость четко разведены по полюсам, то здесь краски сгущаются. Заглавная героиня — воплощенная вульгарность, это к ней «обращались рекламы, это она была идеальным потребителем, субъектом и объектом каждого подлого плаката». Но в ней же, Лолите, «чуется неизъяснимая, непорочная нежность, проступающая сквозь мускус и мерзость, сквозь смрад и смерть». Как ни странно, при всей застарелой нелюбви Владимира Владимировича к Достоевскому за развращенной нимфеткой невидимо встают и Матреша из «Исповеди Николая Ставрогина» в «Бесах», и Сонечка Мармеладова из «Преступления и наказания».

Именно «Лолита», пусть и в эпатирующей форме, позволяет восстановить набоковский художественный мир во всей его подлинности, отказавшись от поверхностных, но весьма распространенных суждений.

Суть их сводится к тому, что Владимир Набоков — писатель для писателей, творчество его — литература литературы, гигантская библиотека, на полках которой стоят без всякого порядка сочинения авторов разных эпох и народов. На страницах его книг звучит неумолчная переключка Шекспира и Толстого, Шиллера и Колриджа, Эдгара По и Шарля Бодлера, Алигьери Данте и Натаниеля Готорна, Чехова и Артюра Рембо — ряд великих имен можно продолжать бесконечно. Особое место занимает Пушкин —

эталонная, в глазах Набокова, величина, недаром он десять лет потратил на английский перевод «Евгения Онегина», вызвавший, кстати, большой переполох в академических, да и читательских кругах. Стремясь к максимальной точности, Набоков переложил роман прозой и сопроводил его гигантским по объему комментарием.

Волшебник не только слова, но и мысли

Последнее крупное произведение Владимира Набокова, роман «Ада» (1969) — это вообще, пользуясь постструктуралистской терминологией, интертекст, смешение самых разнообразных стилистических традиций, встреча самых различных авторов. Его справедливо считают введением в постмодернистскую литературу с ее сильно выраженным пародийным началом и амальгамой жанров — от высоких до низких, на уровне массовой культуры.

Тем не менее роль виртуоза-фокусника, любителя «крестословиц» и анаграмм, роль ученого архивариуса Владимиру Набокову явно тесна. Ненавистник гражданственности и любитель словесной игры, вдохновенный артист, с подозрением относящийся к метафизике и морали, он в то же время никогда не замыкается рамками чистого слова. В его романах, рассказах, стихах трудно и даже невозможно обнаружить отражение актуальных событий современности, но в них всегда угадывается то, что сам он называл «потусторонностью», то есть запредельный мир истины.

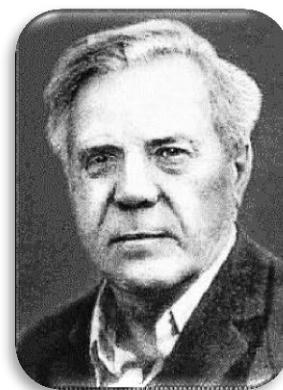
Недаром в том же послесловии к «Лолите» Владимир Владимирович, оставив привычную сдержанность, написал, что литература — это «особое состояние, при котором чувствуешь себя — как-то, где-то, чем-то — связанным с другими формами бытия, где искусство (т. е. любознательность, нежность, доброта, стройность, восторг) есть норма».

Владимир Владимирович Набоков скончался 3 июля 1977 года, в Монтре, в Швейцарии. (Н. А. Анастасьев)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Стихотворения классических и современных авторов: стихотворения В.В. Набокова [электрон. ресурс]. — режим доступа// <http://stroki.net/content/blogcategory/49/57/>, свободный. — электрон. текст. дан.
2. Набоков — Nabokov: все 19 романов Владимира Набокова на русском языке. Биография, фото [электрон. ресурс]. — режим доступа// http://gatchina3000.ru/literatura/nabokov_v_v/, - свободный. — электрон. текст. дан. — заглавие с экрана.

1 МАЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА,
СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ
(1924 -2001)

СЦЕНАРИЙ «ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ»

(Фоном звучит песня «Журавли»)

Все ближе очередная годовщина Победы. И с каждым годом все дальше и дальше от нас героические и трагические годы Великой Отечественной войны. Все дальше уходит война в глубь истории. О событиях более чем полувековой давности наши поколения узнают по рассказам старших, из книг и кинофильмов. Слушают, читают, смотрят и думают: неужели так было? Да, так было! Но все меньше остается писателей, принимавших участие в этой войне и писавших о ней.

Тень высоких берез
Подступает вплотную,
Обрывается марш
У незримой стены,
И уходят от нас
В тишину вековую
Ветераны последней
Великой Войны.

Ушел из жизни и писатель-фронтовик Виктор Петрович Астафьев. Для которого было долгом – передать потомкам память об этом немеркнущем подвиге и уважение к стойкости, мужеству и беззаветной любви к своему Отечеству.

Гремят истории колокола,
Взывая к памяти моей,
И в них набаты
Жестоких битв и созиданий даты,
И праздники, чья ширь и даль светла...
И, позабытый, вновь встает рассвет,

И кто-то в травы падает, сраженный,
И город, артиллерией сожженный,
От дыма черен и от пепла сед.
Они гремят, в них отзвук прежних дней,
Намек, подсказка, предостереженье.
Кто помнит, тот не знает пораженья,
Кто помнит, тот беспмятных сильней.

О войне писать трудно. Особенно тем, кто был непосредственно в окопах, на передовой линии, в пекле смертоносного огня. Воскрешая в себе войну, фронтовик вынужден пережить ее вновь, а это процесс не только трудный, но и болезненный, для раненных и контуженных на войне в особенности. А кому же охота причинять себе боль по доброй воле?

Но литература – работа беспощадная, она не ждет, не уговаривает, она требует от литератора каждоминутного напряжения, нагружает его сердце и память до такого объема и состояния, что дальше жить не «разгружаясь» носить в себе «материал» невозможно. И тогда бросает сочинителя за стол сила, ему не подвластная, которая, высокопарно говоря, «направляет его перо».

И потому, вновь и вновь возвращается писатель к этой теме, теме войны, возвращается в свою юность, прошедшую на фронте. Но смотрит он на нее уже с высоты прожитых лет. С высоты дня сегодняшнего. Отсюда и философская глубина осмысления художником событий.

Читая книги Виктора Петровича Астафьева, ясно видишь, насколько они личностны и автобиографичны.

Виктор Петрович Астафьев родился 1 мая 1924 года в село Овсянка, неподалеку от Красноярска. Детство у него было – труднее не придумать. Мальчику было всего семь лет, когда утонула в Енисее его мать. После ее смерти он воспитывался в семье дедушки и бабушки. Побывал Виктор Петрович и в беспризорниках. Но бродяжничество его было подневольное, от сиротства. Затем воспитывался в детдоме-интернате в Игарке. С ранних лет он вынужден был заботиться о себе сам, порой в буквальном смысле, добывая себе хлеб насущный. Учился в железнодорожной школе ФЗО. После ее окончания работал составителем поездов в пригороде Красноярска.

(Фоном звучит песня: «Священная война»)

Оттуда будущий писатель ушел добровольцем на фронт. Ему было всего лишь 17 лет.

В свои семнадцать лет
Я встал в солдатский строй.
У всех шинелей серый цвет,

У всех – один покррой.
У всех товарищей – солдат
И в роте, и в полку –
Противогаз, да автомат,
Да фляга на боку...
Я думал, что не устою,
Что не перенесу,
Что затеряюсь я в строю,
Как дерево в лесу.
Льют бесконечные дожди,
И вся земля – в грязи.
А ты, солдат, вставай, иди,
На животе ползи...

Осенью 1942 года Астафьев оказался в самом пекле войны. Воинское звание – рядовой. И так до самой победы: шофер, артрзведчик, связист. Он был дважды ранен, контужен (*музыка заканчивается*).

В 1945 году демобилизовался, и приехал с женой в ее родной город Чусовой на западном Урале. Тяжелые ранения фактически лишили его довоенной профессии – сцепщика поездов. Остался только один глаз, плохо слушалась рука. Работы его были случайны, тяжелы и не очень денежны. Был он грузчиком, рабочим в горячем цехе, сотрудником газеты.

Первый рассказ Астафьева был опубликован в газете «Чусовской рабочий» и назывался «Гражданский человек» (окончательный вариант этого рассказа позднее был назван «Сибиряк» - о судьбе погибшего боевого друга). К написанию этого рассказа его побудило то, что он попал однажды на заседание литературного кружка, где обсуждали написанный одним из кружковцев рассказ о войне. Возмущенный фальшью изображения войны, Астафьев запершись в вахтерке (он тогда работал ночным сторожем колбасного завода) и за одну ночь написал свой первый рассказ «Гражданский человек».

С 1951 года Виктор Петрович становится не только автором, но и литературным сотрудником газеты «Чусовской рабочий», печатает на ее страницах многочисленные корреспонденции, очерки, рассказы. А осенью 1959 года Астафьев поступил на Высшие литературные курсы в Москве. С этого времени его произведения стали широко печататься в центральных журналах и издательствах.

В одной из бесед Виктор Петрович Астафьев заметил, что если бы не война, то он начал писать бы раньше, так как испытывал тягу к сочинительству с детства. Ведь свой самый первый рассказ он написал еще в Игарке, в детдоме-интернате, на последней парте у печки-голландки в 5 «Б» классе, под поощрительным взглядом учителя и поэта Игнатия Дмитриевича Рождественского. Это было школьное сочинение, которое учитель литературы И. Д. Рождественский поместил в школьный рукописный

журнал. А в газете «Большевик Заполярья» было опубликовано четверостишие Вити Астафьева. В своем школьном сочинении Витя Астафьев написал о мальчике, заблудившемся в тайге, и поселившемся на озере.

Учитель Игнатий Дмитриевич Рождественский сумел разглядеть этот первый взлет поэтической души, возможно, почувствовав и другое: поворот детской души, и даже судьбы к свету, добру, жажде понимать добро и творить его, быть сопричастным всему живому, это озеро уберегло маленького Астафьева от худой дороги и навсегда осталось в его сердце. Ведь однажды, много лет спустя, Астафьев взял и написал его снова, и это стало знаменитым рассказом «Васюткино озеро», который писатель назвал своим первым профессионально написанным рассказом.

(Зачитываются строки из рассказа).

«Писательский труд – беспрестанный поиск, сложный, изнуряющий, доводящий почти до отчаяния». С таким подвижническим чувством входил Виктор Петрович Астафьев, как и другие близкие ему по духу писатели, в большую литературу, это вещее чувство ответственности перед литературой и читателем, печатью легло на его лучшие произведения.

В дальнейшем своем творчестве Астафьев будет прочно опираться на пережитое, на свой личный жизненный опыт, и не только в произведениях на военную тему. А войне он обязан богатством и разнообразием впечатлений, знанием людей и жизни, ни с чем не сравнимым духовным опытом. Эта мысль не раз будет высказываться писателями, считающим отечественную войну «самым великим, что было в нашей жизни», и глубоко убежденным, что о войне вообще не стоило бы писать, если бы она самым решительным образом не повлияла на последующее развитие общества, и что если писать о войне, то писать надо «достойно и с достоинством».

(Вставка видеофрагмента или аудиозаписи).

«Что бы мне хотелось видеть в прозе о войне? Правду! Всю жестокую, но необходимую правду для того, чтобы человечество, узнав ее, было благоразумней». Это высказывание принципиально для Астафьева, он не терпел фальши и лжи ни в своем, ни в чужом творчестве.

Другие писатели-фронтовики не раз отмечали несоответствие всего того, что сами они пережили на войне, и тем, как это иногда преподносится в художественной литературе. Например, Василь Быков отмечал: «Многое из того, что в 40-50 годы печаталось, было неудобочитаемым, неприемлемым для непосредственных участников войны». Быков писал, что взяться за перо, его, как и Астафьева, заставило то, что он почти не находил такие книги, на которые бы отзывалась его душа фронтовика.

«О чем писать, на то не наша воля» - сказал так мудро и точно поэт Николай Рубцов. И зная, как будет болеть голова, стонать сердце, какие кошмары будут мучить его ночью и посылать к домашней аптечке, сочинитель все равно продолжает на бумаге не прекращающуюся в нем внутреннюю работу.

В живой писательской биографии книги о войне идут не чередою, а когда какая «заболит», как время от времени выходящие из тела осколки давнего ранения.

«Память войны! Счастлив, кто не знает ее. И я хотел бы пожелать всем добрым людям: и не знать ее никогда, не ведать, не носить раскаленные угли в сердце, сжигающие здоровье, сон, нормальные отношения с людьми и окружающим миром»

«И все не умолкает во мне война, сотрясая усталую душу. Багровый свет пробивается сквозь немую уже толщу времени и, сплюснутая, окаменелая, но не утратившая запаха гари и крови, клубится она во мне».

Если вчитаться в произведения Виктора Астафьева о войне, то можно ясно увидеть его личный опыт фронтовика-окопника. Опыт, который как бы трамплин, оттолкнувшись от которого он с позиций сегодняшнего дня, пытается философски осмыслить войну во всей ее грандиозности. Грандиозности не пространственной, а если так можно выразиться, духовной. Передовая траншея, масштаб армейский или фронтовой, для Астафьева это лишь часть войны. Он видит войну в ее глобальной, общечеловеческой всеохватности, в ее решающем влиянии и на судьбу отдельного человека, и на судьбу народа в целом.

Потому-то, наверное, герои Астафьева, как и он сам, пережившие войну, будут нести в себе душевный опыт и печать войны, мерить свою жизнь высокой меркой великого и трагического времени.

Писатель постоянно и мучительно спрашивает себя: «Как это я умудрился столько прожить? По какому праву? Чем я лучше тех молодых парней, которых сам закапывал на обочинах военных дорог?»

О тех молодых парнях, с которыми пришлось воевать Астафьеву, но которым не пришлось дожить до победы, о людях в тылу и их непосильном труде, о тех, кто дождался победных майских дней и возвратился домой, и писал Виктор Петрович Астафьев свои лучшие произведения о войне.

Память войны надиктовала автору строки произведений: «Где-то гремит война», «Пастух и пастушка», «Звездопад», «Передышка», «Жизнь прожить» и других повестей и рассказов, которые вошли в книгу под названием «Военные страницы».

Собранные в ней рассказы и повести – как разрозненные страницы войны, некоторые из них мы сейчас и перелистаем.

«Где-то гремит война»

Рассказ «Где-то гремит война», уже само название подчеркивает отдаленность места действия от фронта. Война не только там, где гремят выстрелы, она везде – в горе людском, в каждодневно приходящих похоронках, в непосильном труде.

Как и большинство произведений Астафьева, этот рассказ во многом автобиографичен, и ведется от первого лица.

«Война, война! Никак не хватало моего ума постичь осмыслить ее, всегда думал что война - это бой, стрельба, рукопашная, там где-то далеко-далеко. А она вон как – везде и всюду, по всей земле, всех в борьбу, как в водоворот, ко всякому своим обликом».

Своим обликом повернется она и к герою рассказа – подростку фэзэошнику, отправившемуся по тревожному письму тетки Августы в ночную дорогу. Во время этой дороги и короткого пребывания в родной деревне он многое увидит и узнает, а главное, многое поймет и осмыслит. Он воочию увидит то страшное горе, что принесла народу война, узнает спасающую силу доброты людской, отзывчивости.

«Надумала я удавиться. И веревку припасла – дрова на ней осенись из реки вытаскивала. Алешка при месте, теперь не пропадет. Девчонок тоже приберут в детдом, кормить одевать станут. А то и мне смерть, и им смерть...»

Но приезд племянника и поддержка односельчан спасут Августу, задавленную нуждой, и страшной вестью о гибели мужа.

Спасет людская доброта и самого героя, заплутавшего в ночи, обмороженного, едва бредущего к мерцающему в ночи одинокому огоньку. В крестьянской избе, куда постучит еле живой, измученный подросток, встретят его как родного, ототрут снегом, накормят, согреют. Здесь он ощутит в полной мере спасающую силу человеческого участия.

Разморенный едой и теплом, герой, собираясь ложиться спать, хочет погасить стоящую на окне керосиновую лампу, и вдруг слышит голос хозяйки, которую принял сначала за мужика, так изменило ее тяжелое военное время:

«Лампу уверни, коли не нужна. Вовсе-то не гаси. Мало ли? Война. Всех она с места стронула. Люди ходят и ездют туда-сюда. Понесет лешак такого же ероя, а огонек вот он. Моргат.»

Сколько раз воспет он был в песнях и прославлен в стихах, этот теплящийся в ночи огонек! Этот символ человеческой теплоты и доброты, символ Родины, живущей и борющейся.

Об этом писал и другой мастер слова Николай Рубцов в одном из лучших своих произведений.

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле и нет тебе покоя...

Встреча с родной деревушкой с односельчанами оставит в душе героя глубочайший след. Он осознает неразрывную кровную связь своей личной судьбы с судьбой близких ему людей, с судьбой своего народа, с судьбой Родины.

«Ясным ли днем»

Рассказ «Где-то гремит война» первоначально вышел в журнале «Молодая гвардия», а через полгода в журнале «Новый мир» был опубликован рассказ «Ясным ли днем». И если в первом рассказе война еще где-то гремела, то в следующем – война для героя стала уже событием далекого прошлого. Астафьев вновь как бы обошел войну, и на это у него, вероятно, были свои творческие соображения.

Действие рассказа происходит сегодня, в современной нашей жизни, Виктор Астафьев вместе со своим героем, вглядываясь в прошлое, задумывается о настоящем. Рассказ этот о войне и о современности, о поколении солдат 41-го и сегодняшних ребятах, стоящих на страже Родины.

Главный герой – Сергей Митрофанович – выжил на войне, весь расчет его погиб во время танковой атаки, а он, потеряв ногу, остался жить. Возвращаясь, из города домой, с ежегодной медицинской комиссии, встретил на вокзале ребят-призывников, уезжающих на действительную службу. Познакомился с ними, разговорился, хотя, выглядели эти новобранцы не столь уж и привлекательно. Потом он оказался с ними в одном вагоне, и, в конце концов, дело дошло у них до песни. А когда Сергей Митрофанович запел...

«Полуприщуренный взгляд его был смягчен временем, усталостью и тем пониманием жизни, которое дается людям, познавшим смерть. Слушая Сергея Митрофановича, человек переставал быть одиноким, с души его

струпьями сходила скверна и накипь житейских будней, потребность в братстве ощущал человек, чтобы его любили, и он бы любил кого-то».

И молодость тут же перед ним распахнулась, раскрылась. Ребята не только лучше поняли самих себя, песня неожиданно раздвинула их представления о людях и о жизни.

И не было уже перед ребятами инвалида с осиновой деревяшкой, в суконном старомодном пиджаке, в синей косоворотке, застегнутой на все пуговицы. Залысины, седые виски, морщины, так не идущие к его моложавому лицу, и руки в царапинах и темных проколах – уже не замечались. Молодой, бравый командир орудия с орденами и медалями на груди виделся ребятам.

Встреча в поезде разбередила в Сергее Митрофановиче память минувшего, заставит вспомнить войну, боевых друзей, не вернувшихся домой.

Вскоре Сергей Митрофанович станет прощаться со своими попутчиками, и тогда один из них скажет: «Привет от нас жене передайте. Правильная она у вас, видать женщина». И он не ошибся. Действительно жена у Сергея Митрофановича была очень хорошая женщина. Но детей у них не было.

«От того, что у Сергея Митрофановича не было детей, он всех ребят чувствовал своими, и постоянная тревога за них не покидала его».

И потому, прощаясь с ребятами в вагоне, пожелает им ветеран лишь одного, самого главного – мирной службы.

Рассказ «Курица - не птица».

В сборник В.П. Астафьева «Военные страницы» вошел и рассказ с таким совершенно необычным для военной темы названием «Курица - не птица». Но это рассказ о войне, о людях, которые даже в суровых военных буднях сохранили в себе лучшие человеческие чувства, теплоту своей души. Колонна из пяти восстановительных поездов настойчиво двигалась за фронтом. Самые разные люди, помимо солдат-путейцев, жили в этих вагонах. Это и проводница тетя Тося, концертная бригада артистов, сбежавший от фашистов в Красную Армию бывший калькулятор кожевенного комбината Абрамсон. И все это хозяйство возглавлял генерал Спыхальский, награжденный уже двумя орденами. И вот однажды генералу Спыхальскому вместо мясных консервов выдали в качестве пайка живую курицу. Не смогла тетя Тося использовать курицу по назначению – на ужин генералу, так как курица оказалась с яйцом.

«Курица упорно боролась за сохранение собственной жизни. Она каждый день выкатывала из себя яйцо, кудахтала, извещая об этом войной охваченный мир, и, в конце концов, отстояла право на существование».

Эта курица, которую назвали Клеопатрой, стала как бы кусочком прежней жизни, символом прежнего мирного дома. Поэтому такой заботой и вниманием окружили ее люди. Нет в этом рассказе ни решающих сражений, ни героических подвигов воинов, это наивная история о курице, но веет от этого рассказа необыкновенным теплом человеческой любви ко всему живому. Поэтому и идут люди защищать свою Родину, что понятия жизнь и война несовместимы.

Рассказ «Индия»

В 1965 году был создан рассказ «Индия», вошедший в сборник «Военные страницы». Трудно по названию угадать, какое же отношение имеет к Великой Отечественной войне Индия. И начало рассказа необычное. На пепелище сгоревшего сельского магазина ребята среди других трофеев нашли кусок индийского мыла в бумажной обертке, с которой смотрел синеглазый красавец в желтой чалме и красном плаще, а за его спиной зеленели развесистые пальмы, и крался желтый усатый тигр. Досталась эта обертка маленькой девчужке Саше Краюшкиной. И через все детство и юность пронесла Саша свою светлую мечту об этой сказочной стране – Индии. Выросла Саша, стала телефонисткой. Грянула война – Саша пошла на фронт. Печальной, молчаливой, несловоохотливой, суровой сделала ее война. Только в редкие минуты командир батареи замечал мягкое выражение и теплую, долгую улыбку на лице девушки. Комбат однажды осторожно полюбопытствовал у связистки, чему это она улыбается и о чем мечтает.

Я, товарищ капитан..., думаю об Индии – охотно отозвалась девушка. Однажды после фашистского артонала Саша пошла искать повреждение на линии связи. Утопая по грудь в сугробах, она дошла до порыва. Но по хутору стали бить немецкие минометы. Одним взрывом подхватило Сашу, подбросило вместе со снежным сугробом вверх, потом уронило наземь. Девушка больше не смогла встать. Как только закрылись ее глаза, она увидела страну Индию, пальмы, принца с алмазной звездой на чалме. Умиравшую Сашу нашел старый солдат, перевязал рану, смахнул замерзшую слезу со своего лица, наклонился над девушкой и услышал ее протяжный и облегченный вздох: «Здравствуй, Индия, здравствуй...» Возле дороги в свежевырытую щель опустил старый солдат тело девушки, закопал землю. Закончилась война. Когда кто-либо спрашивает, чья это могила у дороги, хуторяне отвечают, что здесь похоронен солдат по фамилии Индия. Я думаю, что в этом рассказе писатель хотел показать, как страшна,

бесчеловечна война. Она убивает не только людей, она убивает мечту, светлую и сказочную.

«Пастух и пастушка»

«Память – это свойство души хранить сознание о былом...» - читаем в словаре В. И. Даля, т. е. хранить знание о прошлом, каким бы оно ни было, а память о подвиге – долг потомков хранить как святыню.

Повесть «Пастух и пастушка» - одна из самых заветных книг писателя. Неспроста он переписывал ее 13 раз, работая над ней с 1967 по 1991 год. А главная ее мысль – проклятие войне и тем, кто ее затевает.

Размышляя об этой повести, критик Валентин Курбатов видит художественное открытие писателя в том, «что это до сих пор в определенном смысле единственная пока по взгляду на войну книга...», где «главное... - это несовместимость войны и жизни, это невозможность уцелеть на войне, даже возвратившись с нее без единой царапины. Героям можно было жить и жить, а они погибали.

Это была первая повесть победителя о том, что война как средство решения мировых вопросов – есть стыд человечества, его горе, его проказа. Так что эта повесть писалась не для тех, кто прошел войну, а для тех, кто живет сейчас, и кто будет жить после нас.

В своем неприятии войны Астафьев следует за великим Л. Н. Толстым, который считал: «Одно из двух: или война есть сумасшествие, или, ежели люди делают это сумасшествие, то они не совсем разумные создания».

Страстный призыв к людям автор вложил в уста скромного героя своей повести Корнея Аркадьевича Ланцова: «Неужели это кровопролитие ничему не научит людей? Эта война должна быть последней! Последней! Или люди недостойны называться людьми! Недостойны жить на земле!.. Одна истина свята на земле: материнство, рождающее жизнь, и труд хлебопашца, вскармливающий ее. Все остальное – вымысел дармоедов...»

Самое страшное то, что война делает человека другим. Интеллигентный юноша Борис Костяев, сын учителя, мечтательный и светлый юноша в бою теряет себя, «вопит» и «визжит», а солдат расстреливающий пленных немцев потому, что другие немцы сожгли его деревню. Показывая картины боя, лазарет, горящего танкиста, ярость и ненависть, неизбежные на войне, писатель утверждает мысль: если пуля не убьет человека в бою, война отнимет у него все силы, порой исчерпав их все до конца, не оставив ничего для жизни. Пройдя через войну, Борис Костяев не смог бороться за свою жизнь, и умирает от совсем легкой раны. Война не дала состояться пасторали. Убитые во время артобстрела старики, сельские пастух и пастушка умерли вместе, прикрывая друг друга в минуту смерти. Борису, которому еще нет 20-ти, и Люсе не дано было прожить счастливо жизнь вместе, ни умереть вместе.

«Как это было!
Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!..»

Я не смогла сложить свои цветы
На холм могильный.
Прости меня, мой друг, прости
За то, что я найти бессильна
Последний твой надежный дом.

Строки эти соотнеслись с повестью Астафьева «Пастух и пастушка». Много их еще до сих пор не найденных, безымянных могильных холмов, затянутых травой, сравнявшихся с землею, по России, по Европе...

Пастушка и пастух – символ повести. И в своих воспоминаниях о детстве Борис не случайно обращается к этим образам: «... музыка была сиреневой, и танцевали двое – он и она, пастух и пастушка. Лужайка зеленая. Овечки белые. Пастух и пастушка любили друг друга, не стыдились любви и не боялись за нее. В доверчивости они были беззащитны. Беззащитны и недоступны злу – казалось мне прежде...». Любовь Бориса и Люси оказалась беззащитной перед злом войны.

Повесть начинается и заканчивается рассказом об одинокой женщине, посреди России, где «над степью тяжелым облачным бредом проступал хребет Урала», опустившейся на колени перед могилой единственного любимого человека.

Маленький безвестный полустанок в степи. Могила с пирамидкой, могильный холм, через годы и годы уже сросшийся «с большим телом земли». Что значит этот холм для пришедшей сюда женщины с печальными древними глазами?

В нем ее счастье, ее любовь.

Война оборвала любовь, но любовь не погибла, а осветила всю жизнь и память человека.

А память не подвластна времени, она преодолевает смерть, преодолевает время... Она продлевает любовь – и поэтому любовь нетленна. Чувство Люси к Борису живо, живы ее преданность и желание соединиться с любимым: «Совсем скоро мы будем вместе... Там уже никто не в силах разлучить нас».

Вот и закрыта последняя страница книги. И мы видим, что мысли и чувства ее героев в полной мере выражают самые заветные мысли самого Виктора Петровича Астафьева, всем существом своим, нравственным миром художника-гуманиста, не приемлющего войну, пронесшего через всю свою жизнь – с фронтовых еще лет – через все свое творчество мечту, надежду, веру в то, что эта война должна быть последней! Последней!

...Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

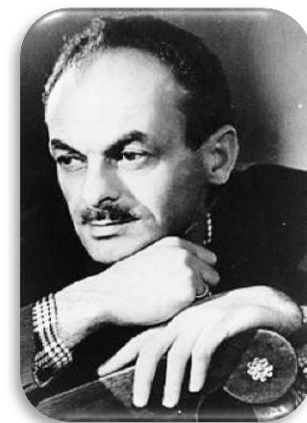
Пускай всегда годину ту
На память нам приводит
И первый снег, и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.

И каждый дом, и каждый сад
В ряду – большой и малый.
И дня восход и дня закат
Над темным лесом – алый.

Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколения.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье!

9 МАЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
БУЛАТА ШАЛВОВИЧА ОКУДЖАВА,
СОВЕТСКОГО ПОЭТА, КОМПОЗИТОРА,
ЛИТЕРАТОРА, ПРОЗАИКА И
СЦЕНАРИСТА.
(1924 -1997)

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
мудрому дай голову, трусливому дай коня,
дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится — Господи, твоя власть! —
дай рвущемуся к власти навластиваться всласть,
дай передышку щедрому, хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье... И не забудь про меня...

Мастер поэтического языка, властитель чувств нескольких поколений, подаривший нам удивительное песенное слово большой доверительности и естественности Булат Шалвович Окуджава родился в Москве 9 мая 1924 года в семье большевиков, приехавших из Тифлиса для партийной учёбы в Москву. Его отец Шалва Степанович был грузином, а мама Ашхен Степановна Налбандян – армянкой, и родственницей известного армянского поэта Ваана Терьяна. Вскоре после рождения Булата его отец был отправлен на Кавказ в качестве комиссара грузинской дивизии, а мама осталась в Москве, и работала в партийном аппарате. Поэтому детство Булата прошло в Москве, где его семье были выделены две комнаты в коммунальной квартире дома 43 на Арбате. Отношение к Москве нашло позже свое отражение в стихах Окуджавы.

Мой город носит высший чин и звание Москва,
Но он навстречу всем гостям всегда выходит сам.

Было описано Окуджавой и то, как в небольших дворах тихих арбатских переулков детвора придумала себе игру в «Арбатство» и ритуал посвящения в свое «сословие».

Пускай моя любовь, как мир, стара,

Лишь ей одной служил и доверялся,
Я, дворянин с арбатского двора,
Своим двором введенный во дворянство.

Булат был старшим из двух сыновей. Дома родители говорили с сыновьями по-русски, часто водили их на оперу и концерты, Булат с юных лет знал репертуар оперного театра, и рано начал сам писать стихи и прозу. Позже Булат Окуджава рассказывал: «Это было задолго до войны. Летом я жил у тети в Тбилиси. Мне было двенадцать лет. Как почти все в детстве и отрочестве, я пописывал стихи. Каждое стихотворение мне казалось замечательным. Я каждый раз читал вновь написанное дяде и тете. В поэзии они были не слишком сведущи, чтобы не сказать больше. Дядя работал бухгалтером, тетя была просвещенная домохозяйка. Но они очень меня любили и всякий раз, прослушав новое стихотворение, восторженно восклицали: «Гениально!» Тетя кричала дяде: «Он гений!» Дядя радостно соглашался: «Еще бы, дорогая. Настоящий гений!» И это ведь все в моем присутствии, и у меня кружилась голова. И вот однажды дядя меня спросил: «А почему у тебя нет ни одной книги твоих стихов? У Пушкина сколько их было... и у Безыменского... А у тебя ни одной...» Действительно, подумал я, ни одной, но почему? И эта печальная несправедливость так меня возбудила, что отправился в Союз писателей, на улицу Мачабели. Стояла чудовищная жара, в Союзе писателей никого не было, и лишь один самый главный секретарь, на мое счастье, сказался в своем кабинете. Он заехал на минутку за какими-то бумагами, и в этот момент вошел я. «Здравствуйте», — сказал я. «О, здравствуйте, здравствуйте», — широко улыбаясь, сказал он: «Вы ко мне?» Я кивнул. «О, садитесь, пожалуйста, садитесь, я вас слушаю...» Я не удивился ни его доброжелательной улыбке, ни его восклицаниям и сказал: «Вы знаете, дело в том, что я пишу стихи...» — «О!» — прошептал он, — «И мне хочется... я подумал: а почему бы мне не издать сборник стихов? Как у Пушкина или Безыменского...» Он как-то странно посмотрел на меня. Теперь, по прошествии стольких лет, я прекрасно понимаю природу этого взгляда и о чем он подумал, но тогда... Он стоял не шевелясь, и какая-то странная улыбка кривила его лицо. Потом он слегка помотал головой и воскликнул: «Книгу?! Вашу?! О, это замечательно!.. Это было бы прекрасно!» Потом помолчал, улыбка исчезла, и он сказал с грустью: «Но, видите ли, у нас трудности с этим... с бумагой... это самое... у нас кончилась бумага... ее, ну, просто нет... finita...» — «А-а-а», — протянул я, не очень-то понимая, — «Может быть, я посоветуюсь с дядей?» Он проводил меня до дверей. Дома за обеденным столом я сказал как бы между прочим: «А я был в Союзе писателей. Они там все очень обрадовались и сказали, что были бы счастливы издать мою книгу... но них трудности с бумагой... просто ее нет...» — «Бездельники», — сказала тетя. «А сколько же нужно этой бумаги?» — по-деловому спросил дядя. «Не знаю», — сказал я, — «Я этого не знаю». «Ну, — сказал он, — килограмма полтора у меня найдется. Ну, может, два...»

Я пожал плечами. На следующий день я побежал в Союз писателей, но там никого не было. И тот, самый главный секретарь тоже, на его счастье, отсутствовал».

Когда у отца Окуджавы, который к тому времени стал секретарем Тбилисского горкома, произошел конфликт с Лаврентием Берией, Шалва Окуджава обратился к Серго Орджоникидзе с просьбой о переводе на партийную работу в Россию, и был направлен на Урал парторгом на строительство вагоностроительного завода в Нижний Тагил, где стал первым секретарём Нижнетагильского горкома партии. Он выписал семью к себе на Урал, но в 1937 году родители Булата были арестованы, и отец был расстрелян по ложному обвинению, а мать сослана в Карагандинский лагерь, откуда вернулась лишь в 1955 году. После ареста родителей Булат с бабушкой вернулся в Москву, и редко говорил о судьбе своих родителей, лишь к концу жизни описав постигшие его семью события в автобиографическом романе «Упразднённый театр». Позже Булат Шалвович всегда хранил в ящике письменного стола копию дела отца, выданную ему в Свердловске в 1989 году.

Осиротевшие братья стали жить в Москве с бабушкой, и Булат с 14-летнего возраста подрабатывал статистом и рабочим сцены в театре, а так же работал слесарем, но в 1940 году родственники забрали его в Тбилиси. В начале Великой Отечественной войны Булат трудился токарем на оборонном заводе, а весной 1942 года после окончания девятого класса Булат ушел добровольцем в армию, где был направлен на Северо-Кавказский фронт и служил в минометном дивизионе. Позже он стал радистом и был ранен под Моздоком. Булат Окуджава позже писал: «Я закончил девятый класс, когда началась война. Как и многие сверстники, отчаянно рвался на фронт. Вместе с другом мы каждый день навещали в военкомат. Нам вручали повестки и говорили: «Разнесете их по домам, а завтра мы вас отправим». Длилось так полгода... Наконец, сломленный нашим упорством, капитан не выдержал и сказал: «Пишите свои повестки сами, у меня рука не поднимается это сделать». Мы заполнили бланки и отнесли их домой: он — ко мне, я — к нему. Мне как-то смешно себя вспоминать и видеть себя — в обмотках, с кривыми ногами, с тонкой шеей, с большой пилоткой на голове, мечтавшего всю войну иметь сапоги и так и не получившего их... Когда первый день я попал на передовую, и я, и несколько моих товарищей — такие же, как я, семнадцатилетние — очень бодро и счастливо выглядели. На груди у нас висели автоматы, и мы шли вперед, в расположение нашей батареи, и уже представляли каждый в своем воображении, как мы сейчас будем прекрасно воевать и сражаться. И в этот самый момент, когда наши фантазии достигли кульминации, вдруг разорвалась мина, и мы все упали на землю, потому что полагалось падать. Ну, мы упали, как полагалось, а мина-то упала от нас на расстоянии полукилометра. Все, кто находился поблизости, шли мимо нас, а мы лежали. Потом мы услышали смех над собой. Встали и тоже пошли. Это было наше первое боевое крещение... Война — вещь противоестественная,

отнимающая у человека природой данное право на жизнь. Я ранен ею на всю жизнь и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю... Я ненавижу войну... Потом уже, впоследствии, когда я стал писать стихи, первые мои стихи были на военную тему. Много было стихотворений - Из них получились песни... Из некоторых. Это были в основном грустные песни. Потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет».

Весной 1944 года Окуджава после ранения был демобилизован, и поселился в Тбилиси у своей тетки. Он экстерном окончил школу, поступил на филфак Тбилисского университета, много писал и читал свою лирику в литературном кружке, сложившемся вокруг поэта Георгия Крейтана. В 1945 году в газете Закавказского фронта были опубликованы военно-патриотические стихи Окуджавы, а свою первую свою песню «Нам в холодных теплушках не спалось» он написал еще в 1943 году на фронте, но кроме первой строчки, текст этой песни не сохранился. В 1946 году им была сочинена «Студенческая песня» в актовом зале Тбилисского университета, где Булат подбирал мелодию на рояле к недавно написанному стихотворению.

Неистов и упрям,
Гори, огонь, гори.
На смену декаблям
Приходят январь.

Нам все дано сполна —
И радости и смех.
Одна на всех луна,
Весна одна на всех.

Прожить лета б дотла,
А там пускай ведут
За все твои дела
На самый страшный суд...

Потрясение от войны позже было описано Окуджавой в повести «Будь здоров, школяр», написанной им в 1960-1961 годах, а военная служба после госпиталя была описана в повести «Приключения секретного баптиста» в 1984 году. После окончания университета, с 1950-го по 1955-й годы, Булат Окуджава работал по распределению учителем в деревне Шамордино и районном центре Высокиничи Калужской области, затем — в одной из средних школ города Калуги. Там же, в Калуге, он был корреспондентом и литературным сотрудником областных газет «Знамя» и «Молодой ленинец». В 1955 году были реабилитированы родители Булата Шалвовича, а в 1956-м году он возвратился в Москву, где стал членом литературного объединения

«Магистраль», работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», а затем — заведующим отделом поэзии в «Литературной газете». Булат Окуджава рассказывал: «Мой друг Борис Балтер работал тогда консультантом в «Литературной газете». Как-то он сказал: «Слушай, я хочу показать твои работы Старику». Так мы называли Константина Георгиевича Паустовского. «Покажи, — говорю, — если хочешь, только страшно». И действительно, было страшно. К.Г. Паустовского я всегда считал мэтром и пытался его глазами взглянуть на то, что предназначалось лишь для близких людей. Но Балтер уехал уже с рукописью в Тарусу. Вернулся, сказал: «Старик просил тебя привезти». В гостях у Константина Георгиевича мы прожили три дня. Он тогда уже был болен, близкие, естественно, старались его уберечь от лишних встреч, разговоров. Все равно вокруг него было много молодых. Он готов был поддержать каждого, кто искал свой путь в искусстве. Помню какой-то сарай, откуда-то взявшуюся гитару, наспех нарезанные бутерброды. Константин Георгиевич тайком удрал из дома... Что я тогда пел — не вспомнить, но сама атмосфера доброжелательности и доброты рождала песни».

В конце 1950-х годов песни Окуджавы приобрели широкую популярность благодаря неповторимому языку, музыкальности, доверительности и отсутствию фальши. Став культовой приметой времени, авторская песня сплотила вокруг себя людей. В эти годы Окуджавой были написаны песни «О Ленке Королеве», «Девочка плачет — шарик улетел», «Последний троллейбус», «До свидания, мальчики» и другие произведения.

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое призвание.
Ты и радость моя, и моя беда.

Только зная правду о годах разлук и смятений, «когда свинцовые дожди лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди», можно понять, почему Арбат для Окуджавы — и радость, и беда. И понять, почему им была написана иная «арбатская» песня, менее восторженная, но более биографичная.

О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой,
Когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?
Как будто шагнул я со сцены в полночный московский уют,
Где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу раздают...

Такое уникальное явление в современной поэзии, как поэт с гитарой сам Окуджава не считал чем-то особенным. Он никогда не писал стихотворений «на заказ». Негромкий, задушевный голос Окуджавы

притягивал и заставлял вслушаться слушателей, потому что его душа и сердце безошибочно определяли важные темы для современников.

В нашей жизни, прекрасной и странной, и короткой,
как росчерк пера, над дымящейся свежей раной
призадуматься, право, пора...

Драматург Александр Володин писал: «Я увидел его в гостинице «Октябрьская» в компании московских поэтов. Он поставил ногу на стул, на колено — гитару, подтянул струны и начал. Что начал? Потом это стали называть песнями Окуджавы. А тогда было еще непонятно, что это. Как назвать? Как рассказать об этом, что произошло в гостинице «Октябрьская»? Окуджава уехал в Москву. А я рассказывал и рассказывал о нем, пока директор Дома искусств не любопытствовал, что это были за песни. Я изложил их своими словами. И вскоре в ленинградском Доме искусств был запланирован первый публичный вечер Окуджавы. Я обзвонил всех, уговаривая прийти. «Что, хороший голос?» — спрашивали меня. «Не в этом дело, он сам сочиняет слова!» — «Хорошие стихи?» — Не в этом дело, он сам сочиняет музыку!» — «Хорошие мелодии?» — «Не в этом дело!..» Перед тем как я должен был представить его слушателям, он попросил: «Только не говорите, что это песни. Это стихи». Видимо, он не был уверен в музыкальных достоинствах того, что он делал. На следующем вечере Окуджавы в Доме искусств стояла толпа. «Что такое тут?» — спрашивали прохожие. «Аджубей приехал», — отвечали».

В 1961 году повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр» была включена Паустовским в альманах «Тарусские страницы», но официальная критика не приняла эту повесть за пацифистские мотивы в оценке переживаний молодого человека на войне. А в 1965 году режиссер Владимир Мотыль ее экранизировал, дав фильму другое название — «Женя, Женечка и Катюша». Тогда же, в 1961 — 1962 годах, официальная критика осудила и многие песни Окуджавы. По мнению руководства Союза писателей России, «большинство этих песен не выражали настроений, дум, чаяний нашей героической молодёжи». В середине и конце 1960-х годов писатель не раз бравировал своей независимостью, подписывал письма в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, и печатался за границей. Окуджава в соавторстве с Петром Тодоровским написал сценарий к фильму «Верность», и два сценария с Ольгой Арцимович к фильмам «Частная жизнь Александра Сергеевича, или Пушкин в Одессе» и «Мы любили Мельпомену...», но обе эти картины так и не были поставлены.

Песни Окуджавы начали звучать в кино. На его стихи писали музыку профессиональные композиторы. Песня на стихи Окуджавы «Бери шинель, пошли домой» быстро стала невероятно популярной. А самым плодотворным оказалось содружество Окуджавы с Исааком Шварцем, результатом которого стали песни «Капли Датского короля», «Ваше благородие», «Песня

кавалергарда», «Дорожная песня», песни к телефильму «Соломенная шляпка» и многие другие произведения.

В 1960-х годах Окуджава много работал в жанре прозы. Он рассказывал: «В прозе и в стихах я выражаю себя. В стихах — с помощью рифмы и ритма, в прозе — иначе. Разница только в форме...». Всего за время работы Булата Окуджавы в кино прозвучало более 70-ти его песен в 50-ти фильмах, из них более 40 песен - на его музыку.

В конце 1960-х годов Окуджава обратился к исторической прозе. В 1970—1980 годах отдельными изданиями вышли его повести «Бедный Авросимов» о трагических страницах в истории декабристского движения, «Похождения Шилова, или Старинный водевиль» и написанные на историческом материале начала XIX века романы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом». Окуджава продолжал писать и автобиографическую прозу, вошедшую в сборники «Девушка моей мечты» и «Заезжий музыкант», а также роман «Упраздненный театр», получивший в 1994 году Международную премию Букера, как лучший роман года на русском языке.

Окуджава всегда держался особняком от писательской и бардовской среды, принципиально не бывал на слетах КСП, несмотря на многочисленные приглашения. Очень редко, в исключительных случаях, он соглашался быть председателем или членом жюри. На слетах авторской песни его крайне огорчали «вторичность, плагиативность, хоровые нетрезвые песни и выкрики типа: «Давай Высоцкого!» Булат Окуджава рассказывал: «Теперь я особенно не раздумываю об авторской песне: по моему мнению, сегодня ее больше нет. Есть массовое явление, потерявшее главные привлекательные черты, сделавшие ее в свое время «властителем дум» очень многих людей. Сейчас все играют на гитарах, пишут стихи (в большинстве своем плохие), поют их. Публика уже привыкла к человеку с гитарой. И каждый, кто берет в руки гитару, называется бардом, и название это тоже нравится. Ко всему этому я лично не испытываю интереса. Считаю — жанр умер. Он оставил по себе добрую память, оставил имена и творчество нескольких истинных поэтов; как это всегда бывает, слабое ушло, сильное осталось, ну, и надо ценить и помнить то, что родилось и существовало в рамках данного жанра... Для меня, прежде всего важен Поэт. Поэт, который исполняет некоторые свои стихи под свою же мелодию. Именно поэтому я несведущ в том, что раньше называлось КСП, а теперь — движение авторской песни. Там ведь девяносто процентов просто исполнителей (очень, кстати, хороших); есть люди, которые пишут музыку на чужие стихи; есть те, кто пишет стихи, но, на мой взгляд, чаще — слабые (потому что хорошего много не бывает). Я никогда не был с этим движением особенно связан, хотя всегда уважал людей поющих... Я не знаю, что такое — бард. Для меня все равно в первую очередь существуют стихи, и я могу рассуждать только о поэзии лишь потом — обо всем остальном... Повторю, для меня существует Поэт, читающий свои стихи и напевающий их...»

В 1970 году Окуджава завершил работу над двумя романами «Мерси, или похождения Шилова» и «Старинный водевиль». В этом же году в прокат вышел кинофильм «Белое солнце пустыни», в котором песня «Ваше благородие, госпожа разлука» была написана на стихи Окуджавы. А в 1971 году на экраны вышел фильм «Белорусский вокзал», в котором прозвучала еще одна из известных песен Булата Шалвовича «Мы за ценой не постоим». Некоторые свои песни Окуджава «забывал», никогда не исполнял и запрещал включать в сборники. Одна такая шуточная песня была им написана в 1957 году: «Марья Петровна идет за селедочкой, около рынка живет, а над Москвою серебряной лодочкой новенький спутник плывет». Другую песню «Ты в чем виновата?» Булат Окуджава написал после расставания со своей первой женой Галиной Смольяниновой в 1964 году. Ровно через год после развода, день в день, она умерла в 39 лет от разрыва сердца. Для Окуджавы это был один из самых тяжелых ударов в жизни. Вторая жена Ольга Арцимович стала его заботливым и верным другом на долгие годы их совместной непростой жизни.

В 1976 году был опубликован сборник стихов Окуджавы под названием «Арбат, мой Арбат», в 1977 году им был написан роман «Путешествие дилетанта», в 1983 году роман «Свидание с Бонапартом», и с середины 1980-х годов творчество Окуджавы стало крайне популярно. В годы перестройки власти его работы не преследовали, а наоборот, всячески поощряли. Окуджава вошел в Комиссию о помиловании при президенте Российской Федерации, в 1984 году стал кавалером ордена Дружбы народов. О 60-летнем юбилее Окуджавы Юлий Ким написал: «В мае 1984-го года Булату исполнилось 60. Он, как обычно, никакого бума не желая, скрылся в дебрях Калужской губернии, но гости к нему все же прикатили — и сколько! И как! Вооружившись видеокамерой, Ольга, жена, вместе с Булатом-младшим втайне от юбиляра объездили человек сто друзей и знакомых с просьбой к каждому поднять рюмку в честь именинника с небольшим монологом, подходящим к случаю. Получилось трехчасовое поздравление, и таким образом к Булату в его калужскую глушь кто только не приехал. Веня Смехов, например, говорил свой монолог, свесив ноги со сцены старой «Таганки». Два закадычных Юрия — Карякин и Давыдов — поднимали свои рюмки водки, расстелив газету с колбасой на парковой скамейке. Алла Борисовна в золотом пиджаке у себя дома за белым роялем спела Булату что-то про осень, красиво и просто. Замечательное вышло чествование. Но еще замечательнее вышло оно через полтора месяца в зале ДК Горбунова в Филях — единственное место, где Булат согласился встретиться, так сказать, с народом в виде московских каэспешников, с которыми он давно дружил. Тысячный зал с балконом был битком. Булат сидел во втором ряду. Он явился, несмотря на температуру 38 градусов, и геройски провел весь вечер — и концертную его часть, и застолье за кулисами человек на 80. И вот было там, в финале концерта, такое стихийное действо. Уже отпел на сцене сам виновник торжества, уже загремели окончательные аплодисменты — и тут

потянулись к Булату с цветами. Он стоял и принимал букет за букетом, складывая их на стул, и они уже не помещались, потребовался еще стул, а эта цветочная гора все росла и росла... Жванецкий — попозже, за столом — все-таки не выдержал и, встав, поднял рюмку. — Дорогой Булат, пью за то, что ты все это получил при жизни. Но дороже всех цветов был ему тогда один особый подарок. Вдруг из-за кулис на сцену вышел человек, весь откинувшись назад под тяжестью целой колонны из книг, которую он нес перед собой: 11 томов самиздата — в прекрасном переплете, отпечатанное типографским способом полное собрание сочинений, причем не только сочинений, но и всей критики, включая злобную! Единственный прижизненный многотомник «Душа в заветной лире...» 160 лет тому назад его любимый Пушкин уже написал о нем, сразу от первого лица:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Все угадал гений: и песню, и гитару — и даже участие в Комиссии по помилованию». А 9 мая 1994-го Окуджава праздновал свое 70-летие — в небольшом уютном зале, в окружении поклонников и друзей, и в присутствии некоторых, симпатичных Булату членов правительства. Звучали естественные для такого случая приветствия, речи и песни. Под конец Окуджава поднялся на сцену. Выглядел он смущенным, усталым и больным. Дождавшись тишины, он тихо поблагодарил публику и добавил, виновато: «Простите, но все это мне глубоко чуждо...».

В 1990-х годах работы Окуджавы были отмечены большим количеством премий и наград. В 1990 году Норвический университет в США присвоил Окуджаве почетную степень Доктора гуманитарных наук, в 1991 году ему была присуждена Государственная премия СССР, и в этом же году он получил премию от независимой писательской ассоциации «Апрель» «За мужество в литературе» имени Сахарова. В 1994 году за биографический роман «Упраздненный театр», написанный годом ранее, Булат Шалвович получил Букеровскую премию в номинации «Лучший роман года на русском языке». В этом же году Окуджава сам вошел в Комиссию по Государственным премиям РФ. В эти годы Булат Шалвович часто выступал с концертами в Москве, Санкт-Петербурге, США, Германии и Израиле. В 1997 году в журнале «Новый мир» были опубликованы «Автобиографические анекдоты» Булата Окуджавы, и это была его последняя прижизненная публикация прозы. За несколько месяцев до смерти Окуджава пережил трагическую гибель своего старшего сына Игоря, перед которым он всю жизнь чувствовал вину и о котором написал в стихотворении «Итоги» строки:

В пятидесятых сын мой родился,
печальный мой старший,
рано уставший, в землю упавший...
И не поднять...

После смерти сына здоровье Окуджавы резко ухудшилось. 25 июня 1995 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялся его последний концерт. Находясь в Париже с частным визитом в гостях у Анатолия Гладилина, Булат Окуджава заболел гриппом, и его поместили в больницу. Последовали осложнения, вызванные астмой и желудочными болезнями, позже начала развиваться почечная недостаточность, и врачи сказали, что улучшения ждать невозможно, так как у Окуджавы был очень ослаблен иммунитет. Хотя Булат Шалвович не был религиозным человеком, он принял крещение в Париже всего за несколько часов до смерти, и получил благословение одного из старцев Псково-Печорской лавры, получив при крещении имя Иоанн. По странному совпадению в автобиографической прозе он предпочитал называть себя Иваном Ивановичем. Булат Окуджава скончался 12 июня 1997 года в парижском военном госпитале, и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

На третий день после смерти Окуджавы в студии радиостанции «Эхо Москвы» Илья Мильштейн сказал: «Как минимум для трех поколений русских людей он был своим поэтом, выразителем чувств самых заветных и убеждений самых выстрадавших. Его смерть — для тех, кто дожил и до этой смерти — стала личной утратой. Невосполнимой, тяжелой и горестной... У него было удивительное лицо: по-детски доверчивые глаза презрительные, насмешливые губы. В глазах отражался поэт, каким он был задуман, чистым, возвышенным и романтическим. Над жесткими складками у рта потрудились люди и годы. Так соединились в его стихах и мелодиях неповторимые интонации голоса и те несоединимые черты: беспечность и страдание, наивность и тоска, беззащитность и мудрость... Само присутствие Окуджавы в городе, в стране, на планете, чуточку облагораживало действительность. Не намного, на миллиграмм. Но пока хватало. С уходом Окуджавы, теперь уже вне всякого сомнения, в России начинается настоящая, взрослая жизнь. Без Бумажных Солдатиков, Милосердных Сестер и Зеленоглазого Бога. Без жалости, без надежды и без пощады. А простодушная мудрость наша, детская доверчивость и насмешливая любовь умерли 12-го... во французском военном госпитале...»

О жизни и творчестве Булата Окуджавы было снято несколько документальных фильмов.

Текст статьи: Виталий Орлов.

10 МАЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЮЛИИ ВЛАДИМИРОВНЫ ДРУНИНОЙ,
СОВЕТСКОЙ ПОЭТЕССЫ.
(1924 -1991)

«НЕ ЗНАЮ, ГДЕ Я НЕЖНОСТИ УЧИЛАСЬ...»
(сценарий литературного вечера, посвящённый поэтессе
Юлии Владимировне Друниной)

Оформление: портрет Ю. Друниной, стол, за которым сидят ведущий и ведущая, другие чтецы, слайды.

*(Звучит песня Булата Окуджавы «Я вновь повстречался с Надеждой»,
постепенно стихая)*

Ведущая: Поэт Лев Орлов писал...

Ведущий: «В конце войны я получил... две тетради, сплошь
заполненные стихами. Мне сказали, что автор – санинструктор, на фронте
была ранена... Перечитав стихи, я выделил особо три миниатюры. Вот, Юля,
главные стихи, стихи-магниты. К ним потом присоединятся многие другие.
Держитесь за эти три стихотворения. Строительный материал надолго. Это
ворота в ваш мир».

Девушка 1: Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы – девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты –
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

Девушка 2: Я ушла из детства
В грязную теплушку,
В эшелон пехоты,
В санитарный взвод.
«...»

Я пришла из школы
В блиндажи сырые
От Прекрасной Дамы –
В «мать» и «перемать»,
Потому что имя
Ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

Девушка 3: Теперь не умирают от любви –
Насмешливая трезвая эпоха.
Лишь падает гемоглобин в крови,
Лишь без причины человеку плохо.

Теперь не умирают от любви –
Лишь сердце что-то барахлит ночами,
Но «неотложку», мама, не лови,
Врачи пожмут беспомощно плечами.
Теперь не умирают от любви...

(Фоном звучит тихая музыка)

Девушка 4: Ещё без паники встречаю шквал,
Ещё сильны и не устали ноги,
Но за спиной остался генерал
И самые прекрасные дороги.
Я до сих пор всё открываю мир,
В нём новые отыскиваю грани,
Но вспыхивает в памяти пунктир,
Трассирует пунктир воспоминаний.

Ведущая: Как вы уже догадались, разговор сегодня будет идти о поэтессе, фронтовичке, Женщине с большой буквы – Юлии Друниной, лауреате премии имени М. Горького за книгу стихов «Не бывает любви несчастливой».

Ведущий: Писать Юлия Друнина начала ещё в школе, когда её знали просто Юлькой... Она сама любила вспоминать.

Юлия Друнина: «Однажды в стенгазете напечатали моё стихотворение, начинающееся строками: «В третьем «К» не всё в порядке, не обёрнуты тетрадки», и слава поэта твёрдо утвердилась за мной в школе. И по-видимому, появилась неосознанная боязнь потерять эту славу. Только так я могу объяснить то, что однажды я стащила стихи у поэта. И у кого стащила стихи?! У Пушкина! Девчонки пришли в бурный восторг от моего таланта, а у меня не хватило душевных сил разочаровать их. Но в то время я писала преимущественно о любви:

Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой –
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому, не стоит –
Всё иным покажется сейчас...
Пусть хотя бы самое святое
Неизменным остаётся в нас».

Девушка 4: Основной мотив лирики Ю. Друниной - стихи, связанные с юностью, молодостью поэтессы. И это не случайно. Никогда, ни в какие времена не было войны, когда бы женщины играли роль столь огромную, как во время Великой Отечественной. Целые полки – зенитные, связи, ночных бомбардировщиков, не говоря о медицинских батальонах, ротах – сплошь состояли из представительниц прекрасного пола. Никого из того удивительного поколения эта пора не оставила равнодушным. Вполне закономерно, что в трагическом сорок первом оно стало поколением добровольцев.

Юлия Друнина: Где же вы, одноклассницы-девчонки?

Через годы всё гляжу вам вслед –
Стиранные старые юбчонки
Треплет ветер предвоенных лет,
Кофточки, блестящие от глажки,
Тапочки, чиненные сто раз...
С полным основанием стилижки
Посчитали б чучелами нас!
«...»

Помнишь Люську, Люську-заводилу –
Нос картошкой, а ресницы – лён?!
Нашу Люську в братскую могилу
Проводил стрелковый батальон...
А Наташа! Редкая походка,
Первая тихоня из тихонь –
Бросилась к подбитой самоходке,
Бросилась к товарищам в огонь...
«...»

Вы поймите, стильные девчонки,
Я не пожалею никогда,
Что носила старые юбчонки,
Что мужала в горькие года.

Девушка 5: Юлия Друнина была человеком очень последовательным и ответственным. Выросшая в городе, в интеллигентной семье (отец был директором школы и преподавал историю и литературу), в 1942 году она девчонкой ушла на фронт.

Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

Юлия Друнина: «Когда началась война, я ни на минуту не сомневалась, что враг будет разбит, больше всего боялась, что это произойдёт без моего участия - всеми силами я хотела и старалась попасть на фронт. Всеми силами! Хотя дома были конфликты и с отцом, и со всеми остальными.

Со слезами девушкам военным
Повторяли мамы, что умней
Им, козявкам, вкалывать в три смены,
Чем из боя выносить парней.

Возразить «козявки» не умели.
Да и правда, что ответить тут?
Только порыжевшие шинели
До сих пор зачем-то берегут».

Девушка 6: Да и в первом бою сложилось уже всё не так, как ожидалось. Рушились мечты о романтике.

Артобстрелы, бомбёжки, тяжёлое ранение, госпиталь, возвращение на фронт – всё это спрессовалось в невероятно коротком отрезке времени. И в одном сердце! Сердце не выдержало – взорвалось стихами. Поэзия стала судьбой.

Юлия Друнина: Были слёзы в первую атаку,
После тоже плакать довелось.
А потом я разучилась плакать –
Видно, кончились запасы слёз.
Так в пустыне, так в песках горячих
Не бывает ливней искони,
Потому что в раскалённых тучах
Тут же испаряются они...

Ведущая: Друнина спасала солдат, видела человеческие страдания, тысячи раз рисковала своей жизнью, дважды была ранена. Самое сильное чувство,

которое она испытала в жизни, - война. Недаром поэтесса писала: «Я родом не из детства – из войны...»

Девушка 2: Не знаю, где я нежности училась,
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идёт в шинели молодость моя.

В моих глазах – обугленные трубы,
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил...

Нет! Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась,
Быть может, на дороге фронтовой...

Юлия Друнина: «Война! Никогда не изгладятся из памяти те дни, когда мы, девчата, шагали вместе со всеми. Трудности были, но мы не замечали их! Да и когда замечать-то было!

Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне».

Девушка 3: Целовались,
Плакали
И пели.
Шли в штыки,
И прямо на беду
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,

Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

На вечере, посвящённом памяти писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, Юлия Друнина говорит:

Юлия Друнина: «Пусть читатель не посетует на меня за то, что в этих записях останавливаюсь на том, вернее, на тех прозаических, неромантических страницах своей жизни на земле, но здесь есть определённая логика. Обо всём, что можно назвать романтикой войны, я пишу всю жизнь – в своих стихах».

Девушка 4: Я не привыкла,
Чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, среди огня
Мужчины в окровавленной шинели
На помощь звали девушку –
Меня...

Но в этот вечер,
Мирный, зимний, белый,
Припоминать былое не хочу.
И женщиной –
Растерянной, несмелой –
Я припадаю к твоему плечу.

Ведущая: Поэтесса вспоминает:

Юлия Друнина: «В одной из атак на Холме была убита Зинаида Самсонова, Зинка – девушка, о которой на нашем фронте ходили легенды. Она всегда была впереди, эта милая девушка-солдат!»

(Инсценировка стихотворения «Зинка»)

Мы легли у разбитой ели.
Ждём, когда же начнёт светлеть.
Под шинелью вдвоём теплее
На продрогшей, гнилой земле.

- Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не в счёт.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живёт.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня – лишь она одна.

Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждёт...
Знаешь, Юлька, я - против грусти,
Но сегодня она не в счёт.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперёд!»

Юлия Друнина: Я принесла домой с фронтов России
Весёлое презрение к тряпью –
Как норковую шубу я носила
Шинельку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплата,
Пусть сапоги протёрлись – не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я тоже не бывала никогда...

Девушка 2: Забытая тетрадь. Истёртые листы...
Увы, давно могу я не страшиться,
Что вдруг случайно забредёшь и ты
На эти потаённые страницы...

Я, любящая, верная жена,
Всего однажды, да, всего однажды,
Не то что охмелела от вина,
А задохнулась от смертельной жажды.

Но тут рассудок приказал: «Табу!
Ты не предашь единственного друга...»
И лишь прорезались на гладком лбу
Морщины, словно борозды от плуга...

Ведущая: «В начале сорок пятого года у меня случилось большое для начинающего поэта событие – в журнале «Знамя» напечатали подборку моих стихов», - писала Ю. Друнина в автобиографической повести «С тех вершин». О них сразу заговорили как о ярком явлении не только в нашей молодой, фронтовой поэзии, но и в военной поэзии вообще.

Девушка 5: Ветераны в двадцать с лишним лет
Начинали жизнь свою сначала

И считали звание «поэт»
Много выше званья генерала.

Ведущий: Точность, лаконичность и глубину чувств в её лирике отметили на Всесоюзном совещании молодых писателей в 1947 году.

Первый поэтический сборник Ю. Друниной, вышедший в 1948 году, получил название «В солдатской шинели». Стихи эти наполнены жизненной достоверностью, суровой правдой войны.

Девушка 6: Я хочу забыть вас, полковчане,
Но на это не хватает сил,
Потому что мешковатый парень
Сердцем амбразуру заслонил.
Потому что полковое знамя
Раненая девушка несла,
Скромная толстушка из Рязани,
Из совсем обычного села.
Всё забыть и только слушать песни,
И бродить часами на ветру,
Где же мой застенчивый ровесник,
Наш немногословный политрук?
Я хочу забыть свою пехоту,
Я забыть пехоту не могу,
Беларусь. Горящие болота,
Мёртвые шинели на снегу.

Ведущий: Высоко оценил первые произведения Юлии Друниной замечательный поэт Дмитрий Кедрин. В восхищении от её «Штрафбата» был и Николай Тихонов.

Дышит в лицо молдаванский вечер
Хмелем осенних трав.
Дробно, как будто цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.
Мечется степь – узорный,
Жёлто-зелёный плат.
Пляшут, поют платформы,
Пляшет, поёт штрафбат...

Девушка 1: Татьяна Кузовлева вспоминает: «Это было спустя полтора десятка лет после окончания войны. Шёл вечер поэзии в Политехническом музее. Выступали Светлов, Тушнова, Друнина. Были и ещё поэты, но я отчётливо запомнила только эти три имени. Я тогда впервые слушала, как читает стихи Юлия Друнина. Она читала о Зинке, о рукопашном бое, что-то,

написанное в послевоенное время. Но настолько глубоко и остро вошли в её душу ритмы и звуки, цвета и запахи войны, что казалось: не было вокруг ни освещённого амфитеатра рядов, ни полукруглой сцены, но прямо за тонким стержнем микрофона, разделившим гибкую, почти юношескую фигуру читающей, вплотную к глазам подходили гудящие стволы раненого леса, приоткрывавшаяся тяжёлая дверь выстывающей на дорожном ветру теплушки, низкий гул канонады, возвращённый мне давней, почти стёршейся детской памятью».

Ведущий: В своей книге «Что было, то было...» Николай Старшинов пишет: «Думаю, что среди поэтов фронтового поколения Юлия осталась едва ли не самым неисправимым романтиком от первых шагов своей сознательной жизни и до последних своих дней».

Юлия Друнина: Я, признаться, сберечь

Не сумела шинели –

На пальто перешили

Служившую мне:

Было трудное время...

К тому же хотели

Мы скорее

Забывать о войне.

Я пальто из шинели

Давно износила,

Подарила я дочке

С пилотки звезду,

Но коль сердце моё

Тебе нужно, Россия,

Ты возьми его,

Как в сорок первом году!

Ведущий: «Я боюсь и избегаю громких слов, но тут должен совершенно честно сказать, что человека, который более искренне и глубоко любил бы свою Родину – Россию, Советский Союз, чем Юлия Друнина, за свою жизнь не встречал», - вспоминает Николай Старшинов.

Девушка 2: Только вдумайся, вслушайся, вслушайся в имя «Россия»,

В нём и розы и синь, и сиянье и сила.

Я бы только одно у судьбы попросила –

Чтобы снова враги не пошли на Россию

Юлия Друнина: О, Россия!

С нелёгкой судьбою страна...

У меня ты, Россия,

Как сердце, одна,
Я и другу скажу,
Я скажу и врагу –
Без тебя,
Как без сердца,
Прожить не смогу...

Ведущий: Много лет спустя после войны один немец задал Юлии Друниной такой вопрос: «Я был полковым врачом на Восточном фронте и хорошо знаю, что такое война... И я не могу понять, как женщина, прошедшая фронт, смогла не только остаться женщиной, но и стать поэтом?» Она ответила...

Юлия Друнина: «Вы были солдатами армии захватнической, а мы - освободительной. Вы ворвались в чужую страну, убивая, истязая, грабя. Конечно, делать это можно лишь тогда, когда в твоей душе уничтожено... всё человеческое. Но почему должно умирать человеческое в душах людей, которые защищают своих детей, своих близких, свои дома?»

Девушка 3: Да, поэзия стала судьбой Юлии Друниной. Писались стихи, издавались книги. Ей аплодировали большие и малые аудитории, восторженные почитатели дарили цветы, писали письма.

Ведущая: Настало время больших перемен – перестройки и шоковой терапии. С каждым днём нарастала неуверенность в завтрашнем дне. Боль в душе становилась всё острее. Можно только догадываться о тяжести тех переживаний, что накопились в сердце у Друниной. Не могла поэтесса оставаться равнодушной, когда в родном Отечестве вдруг оказались поставленными под сомнение величина нашей армии, подвиг народа в войне и саму Победу... В особое смятение повергло Юлию Владимировну утверждение, что воевали мы зря.

Конечно, обо всём наболевшем она писала в своих публицистических статьях, прямо и резко выступала на писательских съездах, а в доверительных беседах с друзьями всё чаще говорила, что ужасно устала душевно от всего, что происходило вокруг...

Девушка 4: Она не могла видеть, что стало со страной, не могла смотреть в глаза ветеранам, просящим в подземных переходах милостыню.

Ветераны в подземных дрожат переходах,
Рядом старый костыль и стыдливая кепка.
Им страна подарила «заслуженный отдых»,
А себя пригвоздила к бесчестию крепко.

Только как позабуду отчаянных, гордых
Молодых лейтенантов, солдатиков юных...
Ветераны в подземных дрожат переходах,
И давно в их сердцах все оборваны струны.

Ветераны в глухих переходах застыли.
Тихо плачут монетки в кепчонке помятой.
Кепка с медью – осиновый кол на могиле,
Над могилою юности нашей распятой...

Ведущий: 21 ноября 1991 года Юлии Друниной не стало. Она могла тысячу раз погибнуть на той войне, на которую ушла в 17 лет. А умерла по своей воле... Израненная войной, она не смогла пережить ещё одной трагедии страны – трагедии эпохи перемен...

На даче в Пахре на письменном столе лежала подготовленная к печати рукопись новой книги под названием «Судный час». Одноимённое стихотворение звучит прощанием и объяснением далеко не патриотического поступка...

Девушка 5: Покрывается сердце инеем –
Очень холодно в судный час...

А у вас глаза как у инока –
Я таких не встречала глаз.

«...»

Ухожу, нету сил.

Лишь издали

(Всё ж крещёная)

Помолюсь

За таких вот, как вы, -

За избранных

Удержать над обрывом Русь...

Но боюсь, что и вы бессильны,

Потому выбираю смерть,

Как летит под откос Россия,

Не могу, не хочу смотреть.

Ведущий: Юлия Друнина ушла из жизни исстрадавшейся, надломленной, но не предавшей своей фронтовой юности, своей первой фронтовой любви, дружбы. А нам в наследство оставила замечательные стихи

Я верности окопной не нарушу,

Навек останусь фронтовой сестрой.

Автор: Смирнова Г.Б.

6 ИЮНЯ
215 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА,
РУССКОГО ПОЭТА, ДРАМАТУРГА И
ПРОЗАИКА.
(1799-1837)

АУКЦИОН
(сценарий музыкального аукциона, посвященного
дню рождения А.С. Пушкина)

Ведущий: Добрый вечер, друзья!

Сегодня в этом зале состоится необычная игра – музыкальный аукцион. Он посвящен творчеству А.С. Пушкина и музыке русских композиторов. Пушкин и музыка – тема неисчерпаемая. Нет почти ни одного известного русского композитора 19 - нач. 20 вв., которого Пушкинская поэзия не вдохновила бы на создание музыкального произведения. Еще при жизни поэта на его стихи было создано более 70 вокальных произведений: романсов, песен. А сколько замечательных опер, самобытных, ярко национальных, написано русскими композиторами на сюжеты пушкинских драм, поэм, сказок. Их 15.

И сегодня мы с вами вспомним некоторые из них, насладимся музыкой, звучащей в этих операх, увидим персонажей этих произведений, но главное, вы можете стать обладателями предметов, которые «принадлежали» оперным героям. И эта необычная коллекция будет разыграна на нашем аукционе.

Итак, представляю участников аукцион (представление команд). И вы, уважаемые болельщики и зрители, можете принять участие.

Прежде чем объяснить условия игры-аукциона, давайте вспомним значение этого слова.

Аукцион, как записано в толковом словаре, это публичная продажа имущества, при которой покупателем становится тот, кто предложит более высокую цену. Но не торопитесь доставать свои кошельки. Чтобы выиграть эти вещи вам потребуются не деньги, а эрудиция, смекалка, знания, и чем их больше, тем больше шансов стать обладателями этой «уникальной» коллекции.

Каждая вещь нашей коллекции принадлежала определенному персонажу оперы, созданной по произведению А.С. Пушкина.

Каждой команде, участвующей в игре, нужно будет вспомнить этого персонажа и как можно больше рассказать об опере, где встречается этот герой, за 30 секунд.

За свои ответы команды получают баллы, количество которых зависит от правильности и объема информации. Болельщики могут помочь заработать лишний балл команде, за которую они болеют, сообщив дополнительные сведения об опере или ответив на задаваемый вопрос. За это дается жетон, равный 1 баллу. Его можно отдать любой команде или оставить себе. Команда может использовать эти жетоны для выкупа любого предмета, если ей не хватает баллов.

Сведения и факты не повторять.

На обдумывание дается 1 минута. А оценивать игру будет экспертная комиссия. Разрешите ее представить (представление комиссии). Мои помощники (представление помощников).

Итак, открываем музыкальный аукцион.
Звучит фрагмент арии Германа из оперы Чайковского «Пиковая дама», сл. «Что на жизнь? Игра!»

АУКЦИОН

Ведущий: Наша коллекция состоит из разнообразных вещей: это документы, оружие, предметы быта, некоторые из них связаны с волшебством и магией.

Прошу помощников вынести 1-ый предмет.

Выносят на подносе перо Золотого петушка.

Звучит музыкальная тема петушка из оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок» (интродукция).

Ведущий: Золотое перо! Кому принадлежало это перо, в какой опере встречается этот персонаж, кто ее написал и, что вы знаете об этой опере?

На обдумывание дается 1 минута.

Команды рассказывают все, что знают про оперу.

Кто из болельщиков хочет исправить, уточнить или дополнить ответы команд? За каждый ответ - жетон, равный 1 баллу. Еще раз напоминаю, что его можно отдать любой команде или оставить себе.

Ответы болельщиков.

Чтобы помочь командам выкупить золотое перо, я хочу задать дополнительные вопросы командам:

1. Из какого произведения взят эпиграф к опере «Славная песня, сват! Жаль только, что Голову в ней поминают, не совсем благопристойными словами»?
2. Какой новый персонаж введен в либретто оперы?
3. Какие имена в опере имеют сыновья царя и воевода?
4. Назовите художника, известного своими иллюстрациями к сказкам Пушкина, которому принадлежит оформление оперы на сцене театра Зимина в Москве, где состоялась премьера оперы.

5. И самый простой вопрос: кто подарил золотого петушка царю Додону?

Можно ответить стихами из сказки:

«Вот он с просьбой о подмоге

Обратился к мудрецу,

Звездочету и скопцу»

Давайте послушаем, что хочет нам поведать мудрый Звездочет.

Сценка Звездочета под музыку интродукции оперы, на слова «Я колдун...»

А теперь слово предоставляется экспертам, которые и определяют, кому будет принадлежать золотое перо. Команды могут повысить цену, отдав свои заработанные жетоны.

Перо вручается победителям.

Ведущий: А теперь на аукционе разыгрываются предметы азартной игры.

Прошу внести их!

Три карты!

Звучит тема 3-х карт из вступления к опере П.И. Чайковского «Пиковая дама».

Это намек добрым молодцам, как стать богатыми.

«Три карты знать, - говорит герой произведения, - и я богат».

Итак, три карты! Назовите эти карты, кто владел тайной этих карт, название оперы, композитора и т.д.

Сначала отвечают команды, затем – болельщики, дальше ведущий задает дополнительные вопросы.

Дополнительные вопросы:

1. Где П.И. Чайковский начал сочинять оперу?

2. Какие изменения были внесены в содержание оперы по сравнению с новеллой А.С. Пушкина?

3. Для характеристики какого персонажа Чайковский использовал мелодию из оперы французского композитора 18 века Гретри Андре?

4. Как называется эта опера?

Ведущий: Чайковский очень тонко проник в дух той эпохи и словно оживил ее своей музыкой, напоминающей музыку 18 века. И сейчас мы с вами заглянем на бал-маскарад у богатого сановника, где находятся герои произведения: Герман, Лиза, Графиня, князь Елецкий и др. Там для дорогих гостей и для нас с вами звучит пастораль под титлом «Искренность пастушки».

Исполнение дуэта Прилепы и Миловзора.

Этот номер в опере называется дуэт Прилепы и Миловзора. Экспертов прошу объявить, кому достанутся три карты.

Команда-победитель забирает выигрыш.

Под музыку из оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов» выносят «царский указ»

Ведущий: Перед вами исторический документ 17 столетия. Это – царский указ.

Обдумывание, аукцион, дополнения болельщиков.

Дополнительные вопросы:

1. Какие изменения внес композитор во 2-ой редакции оперы?
2. Кто помог композитору организовать постановку оперы на сцене?
3. О ком идет речь в указе?

Ведущий: Вот приближается пристав, он поможет выяснить нам содержание указа.

Участник игры в костюме пристава входит в зал, берет у ведущего указ, проходит на сцену.

Занавес открывается. Разыгрывается «Сцена в корчме».

Решение экспертной комиссии.

Ведущий: А сейчас игра с болельщиками и зрителями.

Для вас, уважаемые болельщики и зрители, мы проводим аукцион по сниженным ценам. Чтобы выкупить предмет, вам достаточно назвать персонажа, кому он принадлежал, оперу, где встречается этот герой и композитора. Если ответ правильный, то прозвучит музыкальный фрагмент из этой оперы, характеризующий этого персонажа.

1) Копеечка:

Звучит тема Юродивого из оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского.

Прозвучала заунывная песенка Юродивого, который является в этой сцене перед собором Василия Блаженного главным действующим лицом. А где еще в опере появляется этот персонаж? (Ответ: в финале оперы).

2) Чешуя от доспехов морских витязей:

Звучит музыкальная тема богатырей из симфонического вступления «Три чуда» ко 2-ой картине 4 акта оперы «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова. «Там еще другое диво:

Море вздуется бурливо,

Закипит, подымет вой,

Хлынет на, берег пустой.

Расплеснется в скором беге,

И очутятся на бреге,

в чешуе, как жар горя

33 богатыря.

Ведущий: Чей юбилей отмечался в год создания этой оперы? (Ответ: А.С. Пушкина)

3) А эта вещь необходима для быта – мешок для муки:

Звучит ария мельника из оперы А.С. Даргомыжского «Русалка».

Ведущий: Какие герои в опере в отличие от пушкинских имеют имена?
(Ответ: дочь мельника – Наташа, княгиня – Ольга)

4) Камешек:

«О, преславная статуя великого командора!»

Звучит музыка из оперы А.С. Даргомыжского «Каменный гость».

Ведущий: Это не просто принадлежность персонажа оперы, а его частица.

Вопрос: Какой композитор, еще до Пушкина и Даргомыжского, взял за основу своей оперы легенду о Дон Жуане, дерзком искателе приключений, смелом и ловком соблазнителе женщин? (Ответ: В.А. Моцарт)

5) Бубен (цыганский):

Звучит каватино Алеко из оперы «Алеко» С.В. Рахманинова.

Вопрос: Почему Рахманинов взялся за сочинение этой оперы? (Это дипломная работа)

6) Сосуд с ядом

Ведущий: «Вот яд, последний ад моей Изоры, осьмнадцать лет ношу его с собою», - так говорил один из действующих лиц произведения. Кто же этот герой?

Вопрос: Кто из героев этого произведения произносит такую фразу: «Гений и злодейство – две вещи несовместные?» (В.А. Моцарт)

Сценка с Моцартом:

Сальери: А вот и Моцарт!

Ты здесь! Давно ль?

Что ты нам принес?

Моцарт: Нет - так, безделицу. Намедни ночью бессонница
моя меня томила,

И в голову пришли мне две, три мысли.

Сегодня их я набросал.

Ведущий: Ах, Моцарт, Моцарт!

Садись, мы слушаем.

Исполнение сонаты Моцарта.

Ведущий: Какая глубина! Какая смелость, и какая стройность!

Итак, все предметы, предназначенные для аукциона с болельщиками, проданы.

Прошу подойти ко мне для вручения выигрышей.

Но, в связи с уникальностью нашей коллекции, эти ценные вещи мы решили оставить в стенах колледжа и заменить их на менее ценные, но не менее приятные и вкусные:

Копеечку - на шоколадный рубль;

Чешую - на конфеты с морским названием;

Мешок для муки – на кекс (или пирожок);
Бубен – на печенье;
Камешек – на апельсин или орешки;
Сосуд с ядом – на витамины.

Ведущий: Продолжаем игру с командами, которые отдохнули, собрались с мыслями и вновь готовы к аукциону.

В нашей коллекции имеется оружие - (пистолет).

Музыка П.И. Чайковского из 2 акта оперы «Евгений Онегин».

Кто его владелец? Из какой оперы этот герой? Кто композитор?

Время на обдумывание, игра, дополнения болельщиков.

Дополнительные вопросы ведущего:

1. Кто были 1-ые исполнители оперы?
2. Как назвал Чайковский свою оперу? Какие танцы звучат в опере?

Ведущий: Торжественным полонезом начинается 3 акт оперы. И сейчас мы с вами услышим и увидим этот танец в исполнении танцевальной группы.

«И в залу высыпали все,

И бал блестит во всей красе»

Исполнение танца-полонеза.

Слово экспертам.

Ведущий: И, наконец, самая значительная вещь коллекции – волшебный меч.

Кто владел мечом, как он попал к герою, из какой оперы этот герой? и т.д.

Звучит увертюра к опере М.И. Глинки «Руслан и Людмила».

Дополнительные вопросы:

1. Какие изменения внесены в состав действующих лиц?
2. Кому посвящена 2-ая песня древнерусского певца и гуслира - Баяна?
3. В поэме Пушкина «Руслан и Людмила» Людмила завладела волшебной шапкой-невидимкой, которая принадлежала Черномору. Что происходит с этой шапкой в опере?
4. Каким музыкальным номером в опере обрисован злой волшебник Черномор?

Сценка «Марш Черномора»

Ведущий: «Раздался шум; озарена

Мгновенным блеском тьма ночная,

Мгновенно дверь отворена:

Безмолвно, гордо выступая,

Нагими саблями сверкая,

Арапов длинный ряд идет.

Попарно, чинно, сколь возможно,

И на подушках осторожно
Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею
Горбатый карлик из дверей;
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.

Эксперты объявляют, какой команде будет принадлежать волшебный меч.
Награждение команд и болельщиков, заработавших жетоны.

Ведущий: Итак, аукцион завершен. Мы с вами, уважаемые участники, болельщики и зрители вспомнили замечательные оперы русских композиторов, созданные по произведениям великого поэта – А.С. Пушкина, слышали и увидели фрагменты из этих произведений в исполнении студентов. И, наконец, вы приобрели для своей команды ценные вещи, которые будут напоминать вам о музыкальном аукционе. И я надеюсь, что вам захочется еще не раз услышать эту музыку, но уже на большой сцене оперного театра или филармонии.

А закончить игру я хочу словами А.С. Пушкина:

«Играйте, пойте, о, друзья!

Утратьте вечер скоротечный,

И вашей радости беспечной

Сквозь слезы улыбнуса я».

Звучит ария Германа «Что наша жизнь? Игра!»

Разработка: Майорова Надежда Евгеньевна;
(преподаватель музыки «Торжокского
педагогического колледжа им. Ф.В. Бадюлина»)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Сиповский В. Пушкин, Александр Сергеевич // Русский биографический словарь: в 25-ти томах [электрон. ресурс]. – режим доступа// http://ru.wikisource.org/wiki/РБС/Пушкин,_Александр_Сергеевич, свободный. – электрон. текст. дан.

23 ИЮНЯ
125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ,
РУССКОГО ПРОЗАИКА, ДРАМАТУРГА,
ПОЭТА, КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТА
(1889-1866)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР,
посвященный судьбе и творчеству Анны Ахматовой

Ее образы никогда не жили своей
собственной жизнью, а всегда
служили раскрытию лирических
переживаний поэта, его
радостей, скорбей и тревог.
К. И Чуковский

Ведущий 1: Наша сегодняшняя встреча посвящена судьбе и творчеству одного из величайших поэтов Серебряного века, представителя такого литературного течения, как акмеизм.

Анна Ахматова многое пережила в своей жизни, но на всю жизнь сохранила в себе тот огонек, который позволил ей писать свои стихи, остающиеся созвучными чувствам многих поколений, выросших с этим именем на устах.

Ведущий 2: Исследователь жизни Анны Андреевны Михаил Кралин делит её жизнь на три периода. «Если обратить внимание на хронологию судьбы поэта, получается трехчастная композиция, состоящая из «блистательного пролога» (1912-1922), глубоко трагической центральной части (собственно Судьбы) (1923-1955) и не менее блистательного эпилога, «победы над судьбой». Эпилог охватывает последнее десятилетие её жизни (1956-1966)».

Ахматова: «Я – голос ваш, жар вашего дыханья,
Я – отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья,
Ведь все равно я с вами до конца.

(А.А. Ахматова «Многим»)

Я родилась 23 июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север - в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет. Мои первые воспоминания - царскосельские; зеленое, сырое величие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в "Царскосельскую оду".

По аллеям проводят лошадок.

Длинные волны расчесанных грив.

О, пленительный город загадок,

Я печальна, тебя полюбив.

(А.А. Ахматова «В Царском Селе»)

Ведущий 1: Ее мать, Инна Эразмовна Стогова, происходила из старинного дворянского рода. Она была очень красива: огромные голубые глаза, черные до колен волосы, удивительно нежный цвет лица. Ее характерная форма носа с горбинкой досталась и дочери. Она хорошо знала литературу и любила её. Мать всегда была невероятно доброй и внимательной к детям, и они очень любили ее.

Ахматова: «Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет.

Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина и Некрасова. Эти вещи знала наизусть моя мама. Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно».

Ведущий 2: С юности Анна читала римских авторов – Горация, Овидия. Знала французский, немецкий и итальянский языки. А позже, годам к 30, по её словам, она подумала: «Так глупо прожить жизнь и не прочесть Шекспира, Любимого писателя» и стала учить английский язык. Занималась по 8 часов в день. Через полгода она уже свободно читала У.Шекспира в оригинале.

Ахматова: «Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет - древний Херсонес, около которого мы жили.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов...

(берет свечу)

Мне дали имя при крещенье - Анна,

Сладчайшее для губ людских и слуха.

Так дивно знала я земную радость

И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько дней в году...»
(Ставит свечу, уходит)

Ведущий 2: Когда в печати стали появляться ее первые серьезные стихи, отец запретил ей подписывать их своей настоящей фамилией Горенко. Тогда юная Анна взяла литературный псевдоним – фамилию прабабушки – татарской княжны Ахматовой.

24 декабря 1903 года она познакомилась с Николаем Гумилевым, он был старше Анны на три года и тоже учился в Царскосельской гимназии.

Гумилев: (со свечой) Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.
Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.
(Ставит свечу, уходит)

Ведущий 1: Николай Гумилев родился 15 апреля 1886 года бурной штормовой ночью, и, по семейному преданию, старая нянька предсказала, что у него будет бурная жизнь. Существует версия, что фамилия Гумилевых происходит от латинского слова *humilis*, что значит “ смиренный”, но поэт Николай Гумилев жил всякому смирению вопреки, был жесток и требователен к себе и окружающим. Анна Ахматова, тонкая стройная девушка, долго не хотела замечать надменного и нескладного юношу с лицом, далеким от представления о красоте. Три года длились его объяснения в любви и повторялись ее отказы, после одного из которых Гумилев пытался покончить с собой.

Гумилев: Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.
Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью, дольней и отрадной,
Высокомерна и глуха...

Ведущий 2: В апреле 1910 года она, наконец, дала согласие на брак и на месяц они поехали в Париж.

Ахматова: Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Гумилева. Он любит меня уже три года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли я его, не знаю, но кажется мне, что люблю.

Гумилев: Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал - забавницу,
Гадал - своенравницу,
Веселую – птицу-певунью.
Покликаешь - морщится,
Обнимешь - топорщится,
А выйдет луна - затомится.
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, - и хочет топиться.

Ахматова: «Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие - в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов - Мандельштамом, Зенкевичем, Нарбутом - я сделалась акмеисткой. В 1912 году вышел мой первый сборник стихов "Вечер". Критика отнеслась к нему благосклонно».

Ведущий 1: Сама Ахматова, в особенности в поздние годы, относилась очень критически к своим ранним стихам. В полушутливой форме она писала о книге «Вечер»: «Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз... Появились они и на некоторых иностранных языках. Сама девочка не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны: «чтобы не расстраиваться»!

Ахматова: «1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев. В марте 1914 года вышла вторая книга - "Четки"».

Ведущий 2: Корней Чуковский вспоминал: «Анну Андреевну Ахматову я знал с 1912 года. Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н.С. Гумилева, который тогда уже, при первом знакомстве, назвал её своей ученицей. То были годы её первых стихов и необыкновенных,

неожиданно шумных триумфов. Прошло два-три года, и в её глазах, и в осанке, и в её обращении с людьми наметилась одна главная черта её личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: «царственная», монументально важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии».

Ведущий 1: Нарисуем портрет Ахматовой той поры: высокая, тонкая, нос с характерной горбинкой, глаза – глубокие и мягкие, как серый бархат, длинная шея, челка. Среди нескольких десятков портретов Ахматовой особое место занимает полотно Натана Альтмана 1914 года. В ней простые, почти геометрические линии повторяют сложные ритмы поэтических строк, а различные голубые оттенки фона картины передают глубину ее поэзии.

(Демонстрируются фотографии А Ахматовой)

Гумилев: «Как у большинства молодых поэтов, у Анны Ахматовой часто встречаются слова: боль, тоска, смерть. Этот столь естественный и потому прекрасный юношеский пессимизм до сих пор был достоянием «проб пера» и, кажется, в стихах Ахматовой впервые получил своё место в поэзии. Я думаю, каждый удивлялся, как велика в молодости способность и охота страдать».

Ахматова: «"Белая стая" вышла в сентябре 1917 года. К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем "Четки". Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал - книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от "Четок" у "Белой стаи" не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются».

Гумилев: Да, я знаю, я Вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.
Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам-
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.
Я люблю, как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет.
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.
И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,

Утонувшей в густом плюще,
Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: “Вставай!”

Ведущий 1: Корней Чуковский вспоминал: «Изо всех мук сиротства она особенно облюбовала одну: муку безнадежной любви. Я люблю, но меня не любят; меня любят, но я не люблю, - такова была её излюбленная тема... У неё был величайший талант чувствовать себя разлюбленной, нелюбимой, нежеланной, отверженной.

Говоря от лица нелюбимых, она создала целую вереницу страдающих, почернелых от неразделенной любви, смертельно тоскующих...» (1967)

Ахматова: Сжала руки под темной вуалью...

“Отчего ты сегодня бледна?”

- Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь.

Искривился мучительно рот...

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: “Шутка

Все, что было. Уйдешь, я умру”.

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: “Не стой на ветру”.

Ведущий 2: В год развода Анна Ахматова подарила Гумилеву сборник стихов “Белая стая” с надписью: “Моему дорогому другу Н. Гумилеву с любовью А. Ахматова. 10 июня 1918 г. Петербург”. Николай Гумилев был расстрелян по ложному доносу в 1921 году за участие в контрреволюционном заговоре.

(Гасит свечу у портрета Николая Гумилева)

Ахматова: Еще не раз вы вспомните меня

И весь мой мир волнующий и странный,

Нелепый мир из песен и огня,

Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, но не стал.

Его Вам мало было или много,

Должно быть, плохо я стихи писал

И Вас несправедно просил у Бога...

(Ахматова А. «Песня последней встречи»)

Так беспомощно грудь холодела,

Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: “Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой”.
Я ответила: “ Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...”
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

(Ахматова А. 29 сентября 1911)

Ахматова: «В 1921 году вышел сборник моих стихов "Подорожник", в 1922 году - книга "Anno Domini". Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина».

Ведущий 1: 27 октября 1935 году были арестованы Николай Пунин (второй муж Ахматовой) и Лев Гумилев (сын). 30 октября Михаил Булгаков помогал Ахматовой составить письмо Сталину об облегчении участи двух близких ей людей. 3 ноября Н. Пунин и Л. Гумилев были освобождены. 10 марта 1938 года – второй арест сына за участие в молодежной антисоветской террористической организации в ЛГУ. Приговорен сначала к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, а затем, после пересмотра дела, к 5.

Ведущий 2: Над лирическим циклом «Реквием», позднее называемым ею и поэмой, Ахматова работала в 1934-1940 годах и в начале 60-х годов. По словам Лидии Чуковской, «Реквием» заучивался людьми, которым Ахматова доверяла, а таких было не более десятка. Рукописи, как правило, сжигались, и только в 1962 году Ахматова передала «Реквием» в редакцию «Нового мира». Поэма «Реквием» впервые опубликована в журнале «Октябрь» в 1987 году

Ведущий 1: Слова «Реквиема» обращены ко всем «умершим» на семьдесят лет согражданам. Тем, кто сажал, и тем, кто сидел. Тем, кто мучил, и тем, кто был замучен. И в этом смысле это глубоко народное произведение. В небольшой по объему поэме показана очень горькая страница жизни всего народа. Три голоса, звучащие в ней: матери, поэта, и историка, - в конце поэмы сплетаются с голосами целого поколения, всего народа.

РЕКВИЕМ

Вместо предисловия

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,-
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

(1961)

Ахматова: В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957, Ленинград»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат –
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали. Приговор...
И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?

Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

1 Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе...
Не забыть! Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

[Ноябрь] 1935, Москва

2 Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

3 Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...

4 Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей –
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука - а сколько там
Неповинных жизней кончается...

1938

5 Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кадилыйный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

6 Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Весна 1939

ПРИГОВОР

И упало каменное слово

На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.
[22 июня] 1939, Фонтанный Дом

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь - зачем же не теперь?
Я жду тебя - мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, -
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь.
Клубится Енисей, Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

19 августа 1939, Фонтанный Дом

9 Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.
И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его

И как ни докучай мольбою):
Ни сына страшные глаза –
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,
Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук –
Слова последних утешений.

4 мая 1940, Фонтанный Дом

РАСПЯТИЕ

Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящая.
Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: "Почто Меня оставил!"
А матери: "О, не рыдай Мене..."

1938

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940, Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

I Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

II Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,

И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: "Сюда прихожу, как домой".
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забывать громохание черных марушь,
Забывать, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Ахматова: «Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву. До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар, древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела. В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

В 1962 году я закончила "Поэму без героя", которую писала двадцать два года.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

(Демонстрируются фотографии А Ахматовой)

Ведущий 2: Анна Ахматова скончалась 5 марта 1966 года в Москве после четвертого инфаркта. Похоронена поэтесса в Комарове, под Санкт-Петербургом. На ее могиле нет грандиозного памятника, только самодельный крест. Она и не нуждается в монументах – вечным и самым прочным памятником стала ее жизнь и её стихи.

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду – со мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

(Гасит свечу)

27 ИЮЛЯ
230 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА,
РУССКОГО ПОЭТА, НАИБОЛЕЕ
ЯРКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
«ГУСАРСКОЙ ПОЭЗИИ»
(1784-1839)

Дениса Васильевича Давыдова Россия не забывала никогда. Остался он и на карте Москвы: прогуливаясь по Пречистенке, мы непременно вспоминаем гусара-партизана, который жил на этой старинной московской улице. Бывая в Новодевичьем монастыре, мы останавливаемся у могилы Давыдова, вспоминаем о его подвигах, вспоминаем его стихи и остроты...

Этому коренному гусару, хранившему традиции дворянских вольностей, давно положено устареть. А он и после своего 230-летия остаётся живым и актуальным, как это и пристало классику. Любимец полководцев, мыслителей и поэтов – Багратиона, Ермолова, Пушкина, – он прожил, как подобает национальному герою, то и дело вмешиваясь в историю России.

Зачинатель и теоретик партизанской войны 1812 года, участник и комментатор войн с персами и поляками, когда Россия укрепляла границы империи и умирляла бунтовавших. Такой опыт, увы, не устареет никогда. Дагестан, Ингушетия, Грузия – это и для Дениса Давыдова театр военных действий, и для нас – горячие точки. Польская проблема не исчезала из повестки дня времён Дениса Давыдова – и в наше время польский вопрос, в свете расширения НАТО, остаётся головной болью российской внешней политики. И конца-краю этому не видно. Что касается поэтического наследия Давыдова, нам остаётся только читать, цитировать и удивляться, что этим то смешным, то грустным, то горделивым стихам пошёл третий век. Он написал всего лишь около ста стихотворений, включая коротенькие эпиграммы и незавершённые наброски. Но в каждой строке искрятся острый ум и страстный нрав.

А начиналась биография с суворовского благословения. Сам Давыдов описал тот день вдохновенно и залихватски в очерке «Встреча с великим Суворовым». Только так и можно было сыграть увертюру к судьбе солдата и поэта, при жизни ставшего легендарным. Шёл 1793 год. В то время Василий Денисович Давыдов – гусар, как и его сын, – командовал Полтавским легкоконным полком. Суворов проверил полк в лихих учениях и отобедал с Давыдовым. Девятилетний полковничий сын Денис жил при армии, уверенно

сидел в седле, любил оружие и грезил о сражениях. Суворов спросил его: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» Надо сказать, что великий полководец умел проникательно судить о людях по ответам на неожиданные вопросы. Денис ответил без промедления, по-суворовски пылко: «Я люблю графа Суворова; в нём всё – и солдаты, и победа, и слава». Суворов был в восторге: «Помилуй Бог, какой удалой! Быть ему военным человеком. Я ещё не умру, а он уже три сражения выиграет!» Разумеется, Давыдов не забудет суворовского благословения.

Через много лет седеющий гусар напишет шутливую автобиографию. Ему удастся скрыть своё авторство – и многие знающие люди примут «Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова» за сочинение самого генерала Ермолова! В этом жизнеописании он со вкусом расскажет о своих детских шалостях после суворовского благословения: «Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека. Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста. Тут пора была подумать и о будущности: он сел на коня, захлопал арапником, полетел со стаею гончих собак по мхам и болотам – и тем заключил своё воспитание».

Бригадир Василий Денисович Давыдов, как и его кумир Суворов, был супротивником павловского опруссачивания Русской армии. Он был вынужден уйти в отставку вскоре после воцарения Павла Первого. Как и Суворов, при Павле он оказался под судом, власти конфисковали солидную часть немалого состояния Давыдовых. Воспоминания об этой несправедливости долго не покидали юного Дениса Васильевича. После свержения и гибели императора Павла честное имя Давыдовых было восстановлено, вернулся и материальный достаток.

Несмотря на малый рост, Давыдова приняли в кавалергардский полк. А в 1804-м он поступил на службу в Белорусский гусарский. Там-то он и погусарствовал всласть – стихи, мазурки, дамы сердца... К тому времени Давыдов уже был автором вольнодумных басен и сатир. Героем и адресатом его «белорусских» стихов стал Бурцев – «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков». Тогда, в 1804-м, ему писалось, как никогда в будущем. И стихи изливались сразу с мастерским клеймом. Даже песенный раж не мешал стройности образов:

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!

Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих...

Эти вакхические послания Бурцеву навсегда останутся наиболее известными стихами Давыдова. Просто чудо: автор не захлёбывается раскрепощённым, жаргонным стихом. Его легкомысленность поэтична – как пушкинские непринуждённые беседы с читателем в «Графе Нулине» и «Онегине». Но Пушкину тогда едва пошёл шестой годок.

Настало для Давыдова и «времечко военно». В кампании 1806-го он принял участие как адъютант Багратиона. В жизнеописании он напишет сам о себе: «Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангард, бросился в сечу, едва не попался в плен, но был спасён казаками».

В 1808-м Давыдов бил шведов в авангарде Кульнева. В кампании 1809-го Давыдов во всех сражениях участвует рядом с главнокомандующим Багратионом. Потом Багратиона меняют на Каменского, к которому Давыдов относится скептически. Он снова служит в авангарде храбреца-генерала Кульнева, а перед великой войной оказывается во 2-й западной армии, рядом со своим учителем Багратионом. Давыдов – подполковник Ахтырского гусарского полка. К началу Отечественной войны он был уже опытным полководцем, прошедшим несколько войн.

Его судьбу решит одно озарение, которое Давыдов облечёт в форму послания князю Багратиону, в котором предложит снарядить отряд для партизанской войны. Багратион одобрил планы Давыдова. Слово было за Кутузовым.

Накануне Бородинской битвы Кутузов принимает план Давыдова и Багратиона. Денис Васильевич получил в своё распоряжение пятьдесят гусар да восемьдесят казаков – и немедленно начал «поиски» по французским тылам. Именно поэтому он не примет участия в Бородинском сражении. А ведь Бородино было одним из родных сёл Давыдова... Печальный пробел в блестящей биографии гусара. На Бородинском поле будет ранен в ногу родной брат Дениса Васильевича – кавалергард, ротмистр Евдоким Давыдов. Но Денис Васильевич занимался не менее важным делом, чем герои Бородина. Летучий отряд Давыдова многие считали обречённым и провожали его как на гибель. Но для Дениса Васильевича партизанская война оказалась родной стихией. После первой же победы над французским отрядом на Смоленской дороге он передаёт захваченное у врага оружие крестьянам. Как много он сделал для того, чтобы «дубина народной войны» больнее била противника! 28 октября под Ляховым Давыдов, соединившись с партизанскими отрядами Фигнера, Сеславина и Орлова-Денисова, атакует двухтысячную колонну генерала Ожеро. Попав в окружение, французы сложили оружие. Это была первая столь значительная победа во всей кампании. В скором будущем на счету Давыдова будет ещё несколько

удачных нападений на французов – в том числе смелый налёт на трёхтысячный отряд под Копысом. Отряд Давыдова рос от победы к победе, его примеру следовали другие вожди партизанского движения. Французы сколачивали особые отряды для поимки Давыдова – живым или мёртвым. Но отпустивший крестьянскую бороду гусар был неуловим, продолжая громить французские обозы, захватывать трофеи и пленных. Современники отмечали гуманизм Давыдова: к пленным французам он относился как просвещённый рыцарь, чем отличался от яростного Александра Фигнера, с которым воевал рядом ещё в 1810 году у стен Руцука. Но с предателями из числа подданных императора всероссийского Давыдов обходился сурово: приказывал выпороть, а то и расстрелять.

Как военный писатель, Давыдов стал теоретиком партизанской войны и историком войны 1812 года. Разумеется, находились оппоненты, считавшие, что Денис Васильевич преувеличил свою роль в партизанском движении. Но будем помнить: народным героем он стал уже в 1812-м. Молва подхватила его имя, а лубочные художники растиражировали образ. У самого Вальтера Скотта хранился гравированный портрет Дениса Давыдова из серии портретов русских деятелей 1812 года, которая была выпущена художником Дайтоном, вероятно, вместе с его же портретами Александра I и Платова. На гравюре Дайтона Денис Давыдов изображён в облике могучего воина с чёрной кудрявой бородой и шапкой волос, в меховой шкуре, накинутой на плечи и застёгнутой пряжкой у ворота, с шарфом вместо пояса и шашкой в руке. Подпись гласила: «Денис Давыдов. Чёрный капитан». Давыдов будет польщён, узнав об этом из переписки с английским классиком.

В заграничный поход 1813 года Давыдов вступает в чине полковника и в ореоле громкой партизанской славы. Он тяготится командованием генерала Винцингероде. Когда смелый набег давыдовского отряда на Дрезден окончился капитуляцией тамошнего гарнизона, Винцингероде за самовольные действия отстраняет Давыдова и грозит судом. Но слишком крепка была слава Давыдова, который со своим партизанским отрядом в критические месяцы войны не давал покоя Великой армии. И сам император заступает за героя. Давыдов участвует в Битве народов под Лейпцигом, а в 1814-м командует Ахтырским полком в составе армии знаменитого прусского генерала Блюхера. Давыдова производят в генерал-майоры, в этом чине во главе гусарской бригады он вступает в Париж. Но с первым генеральским званием Давыдова произошёл обидный казус: в начале 1814-го он получает генеральские эполеты, а осенью приходит весть, что чин был присвоен ошибочно. Давыдов снова оказывается полковником. Публичный позор на всю армию, на всю Россию! За что такое унижение? Оскорблённый герой некоторое время проводит в замешательстве и сомнениях, а потом начинает хлопотать и протестовать. Лишь в декабре 1815-го ему вернули генеральское звание. Дело в том, что в то время в разных кавалерийских частях служили шесть полковников Давыдовых. И в 1813–1814-м троих из них следовало произвести в генералы: Дениса Васильевича и его

двоюродных братьев – Александра Львовича и Евграфа Владимировича. В канцелярии однофамильцев Давыдовых почему-то не пронумеровали, как это обычно делалось во избежание путаницы. Первым чин получил Евграф Владимирович. Когда в канцелярии получили бумаги на Александра Львовича – сочли, что он уже произведён в генералы, и не дали делу хода. Александр Львович принялся жаловаться – и бюрократы хорошо запомнили его. Так запомнили, что, получив бумагу о производстве Дениса Васильевича, приняли его за Александра Львовича – и отменили производство. Кстати, Александр Львович генералом так и не стал. Поговаривают, что к нему питал неприязнь император, и именно в этом – тайная пружина путаницы с Давыдовыми, от которой Денис Васильевич пострадал случайно и безвинно.

В 1823-м, устав от штабной работы, Давыдов уходит в отставку всё в том же чине генерал-майора. Он считал себя несправедливо обойдённым наградами. С тех пор служил наскоками, урывками возвращаясь в армию для настоящих горячих дел. Это позволяло сохранить свободу от бюрократических излишеств армии николаевского времени. Новый император Давыдову не вполне доверял. Денис Васильевич был двоюродным братом генерала Ермолова и, безусловно, относился к «ермоловской партии», которая в Российской армии оказывалась то влиятельной, то гонимой.

Но не стоит, вслед за ветреной модой, преувеличивать оппозиционность и опальность Давыдова. Просто он был своенравным аристократом, который не умел поступаться ни принципами, ни предрассудками. Ещё в 1816-м он показал характер, когда получил вроде бы лестное назначение в конно-егерскую дивизию, которая располагалась под Орлом, неподалёку от обжитого имения Давыдова. Удобное место для службы! Но Денис Васильевич от назначения отказался. Егерям не полагалось носить усов, а сбривать «принадлежность гусара» наш герой не желал. Усами дорожил. Слухи об этом скоренько дошли до самого императора. И Александр проявил уважение к герою-партизану: Давыдова перевели во 2-ю гусарскую дивизию, в которой он вскоре принял командование над 1-й бригадой.

Давыдов командовал трёхтысячным отрядом. Первое столкновение с персами произошло 20 сентября под Амамхами, а уже через два дня, разбив наголову 4-тысячный отряд Гасан-хана при урочище Мирок, отряд Давыдова вступил на персидскую землю близ урочища Судагенд. Под южным солнцем Давыдова сразила лихорадка. И после нескольких лихих побед он направился в отпуск – в Москву, лечиться.

В 1830-м запылала вольнолюбивая Польша. Война начиналась с чувствительных щелчков по имперскому самолюбию России. Многим собратьям Давыдова по перу – партизанам вольнолюбивой богемы навреде князя Вяземского – польская война казалась несправедливой, позорной для России. Душа Давыдова не покрылась коростой антиимперского снобизма.

Позором он считал слабость и поражения державы, а стремление к защите интересов России воспринимал как должное.

Войска Давыдова займут Владимир-Волынский: «Я поставил здесь всё вверх дном и отбил навсегда охоту бунтовать». 28 августа на берегу Вислы Давыдов дал последнее в своей жизни сражение. За польскую кампанию Давыдов будет награждён щедро: орден Анны первой степени, Владимира – второй... В окончательную отставку уйдёт в высоком чине генерал-лейтенанта.

Денис Васильевич купил богатую усадьбу на Пречистенке. В советские времена в этом доме располагался райком. Но содержать такой дом было трудновато, да и располагавшаяся по соседству пожарная команда мешала поэту. Тогда он написал прошение в стихах в Комиссию по строениям:

Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой Пречистенский дворец.
Тесен он для партизана!
Сотоварищ урагана,
Я люблю – казак-боец –
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налётов удалых...

Всё чаще отставной гусар жил со своей многодетной семьёй в отдалённых имениях, отдыхая от шумных сражений, от неугомонной Москвы. В отставке Давыдов, вспоминая удалую молодость, писал стихи о гусарских попойках. А временами снимал маску простодушного усача. Тогда он включался в войну идей, обличал влиятельных либералов и русофобов (в те годы это слово писалось с двумя «с» – «руссофобия»). И писал «Современную песню» – остроумный и язвительный приговор либералам. Злободневный во все времена, стоит только заменить кое-какие «приметы эпохи»:

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала...

А глядишь: наш Лафайет,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей...

Давыдову было о чём вспоминать! И мемуаристом он стал первоклассным. Проза Давыдова не менее своеобразна, чем его стихи. Письменная речь Дениса Васильевича не похожа ни на кого из современников! Давыдов узнаваем и убедителен. Даже если отбросить романтический ореол, который неотделим от давыдовского образа, – мы увидим талант, опыт и мудрость, скрытые в простых и ясных словах. Он не стал долгожителем, умер, не дожив до пятидесяти пяти. Последнее деяние Дениса Васильевича было данью памяти князю Багратиону. Давыдов обратился к императору Николаю I с предложением перевезти прах генерала из Владимирской губернии на Бородинское поле и похоронить его там, где Багратион сражался и погиб за Отечество. Николай I согласился и поручил Давыдову командовать конвоем тела генерала Багратиона. К этой почётной миссии Давыдов должен был приступить 23 июля 1839 года. Не пришлось... Багратиона везли в Бородино из села Сим. А Давыдова – в Новодевичий монастырь из Верхней Мазы Симбирской губернии (поместье супруги), где отставной генерал-лейтенант умер. Адьютант был похоронен почти одновременно со своим генералом, погибшим двадцать семь лет назад.

К столетию Отечественной войны, в 1912-м, имя Давыдова присвоили прославленному в боях Ахтырскому гусарскому полку. Это великая честь и вполне Давыдовым заслуженная!

Составитель: Арсений Замостьянов

«ЗВЕЗДА 12 ГОДА ДЕНИС ДАВЫДОВ»
(сценарий к Литературной композиции, посвященной 200летию победы
в Отечественной войне 1812 года)

Гордостью Москвы стал поэт-гусар Д. Давыдов.

(На экране портрет Д. Давыдова)

В переводе с древнееврейского фамилия Давыдов означает «любимый, возлюбленный», что так точно характеризует Дениса Давыдова – народного героя, любимца женщин, предмета обожания и поклонения...

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.

В.А. Жуковский «Певец во стане русских воинов»

Но большинство помнит Д. Давыдова как героя войны 1812 года.
1812 год...

(бой барабанов)

Силы двенадцати языков Европы
Ворвались в Россию.
Враг разрушал наши города,
Грабил наши дома,
Убивал наших детей и отцов
И стремительно несся вперед,
Оставляя позади тысячи верст
Голодной, враждебной страны.
В русском народе все более и более
Разгоралось чувство оскорбления,
Разгорался в нем священный гнев огнем.
На защиту русской земли он встал.
И дубина народной войны
Поднялась со всей своею грозной
И величественной силой.
Поднималась, опускалась и гвоздила врага,
Пока не погибло все нашествие.
Велика наша земля.
Не счесть сынов отважных на просторах ее.
Одним из сынов России, вставших на защиту своей страны, был Д. Давыдов,
организатор и вдохновитель партизанской войны.
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный
Вновь за родину восстать...
(Д.В. Давыдов «Элегия IV»)

1812 год. В России находится неприятель-француз под командованием самого Наполеона Бонапарта. Давыдов на месте сейчас не сидит. Пишет письма Петру Ивановичу Багратиону. Он просит Багратиона зачислить его в ряды Ахтырского гусарского полка. Тот согласился и пожаловал ему чин подполковника. Командуя 1-м батальоном ахтырцев, Давыдов принимал участие во многих сражениях: под Миром-Поповкой, Катанью, Дорогобужем, Покровом.

Звучит песня под аккомпанемент гитары:

Я люблю кровавый бой
Сл. Дениса Давыдова
Муз. А. Журбина

Я люблю кровавый бой,

Я рожден для службы царской.
Сабля, водка, конь гусарский -
С вами век мой золотой
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской,
Я люблю кровавый бой.
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия,
Пусть французы удалые
К нам пожалуют в кабак.
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия,
За тебя на черта рад.

Но Давыдов тяготился положением простого гусарского офицера. И снова началась длинная переписка с генералом Багратионом. В итоге Петр Иванович полностью одобрил необычную идею Давыдова и готов был предоставить ему людей.

Идея состояла в том, чтобы начать партизанскую или народную войну, мысли о которой уже давно бродили в его голове. Тактика, которой впоследствии придерживался Давыдов, заключалась в том, что он совершал небольшие набеги на вражеские обозы, перевозившие боевые припасы и провиант, всячески избегая открытых стычек. Отнятое у француза оружие он раздавал крестьянам, объясняя, как нужно защищаться от неприятеля.

Усач. Умом, пером остер он, как француз,
Но саблю французам страшен:
Он не дает топтать врагам нежатых пашен
И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом -
И след простыл!.. То невидимкой он, то рядом,
То, вынырнув опять, следом
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель - земля, а лес дремучий - дом!

Ф. Глинка «Партизан Давыдов»

Успехи были налицо. Ведь в начале партизанских действий Давыдов имел в подчинении 130 человек, а к концу войны – уже около 550. Слава о храбрости Дениса Давыдова и его славных ребят быстро разлетелась по всей России. Под его начало охотно поступали отбитые им от французов русские пленные солдаты и добровольцы.

Набеги продолжались, что обратило на себя внимание генерала Бараге д'Илье, бывшего французским генералом Смоленска. И он выделил целых 2 тысячи (!) человек на поимку Дениса Давыдова!

Подвиги героя не остались незамеченными. По окончании Отечественной войны Давыдову были вручены два ордена: Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени. Также его партия вошла в состав главного авангарда русской армии.

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь, -
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой,
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!
Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей...
Н.М. Языков «Д.В. Давыдову»

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Денис Давыдов (denisdavydov.org.ru) [электрон. ресурс].- режим доступа// <http://www.denisdavydov.org.ru/>, свободный. – электрон. текст. дан. – заглавие с экрана.

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ – 3

ДЕНИС ИВАНОВИЧ ФОНВИЗИН – 18

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР – 30

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ – 39

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ – 45

БУЛАТ ШАЛВОВИЧ ОКУДЖАВА – 57

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДРУНИНА – 67

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН – 78

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА – 85

ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ДАВЫДОВ – 99

Территория чтения

Выпуск 5

Юбилеи и юбиляры

Ответственная за выпуск – Т.Н. Кондратенко

Составитель – И.А. Гетажаева

Вёрстка – И.А. Гетажаева

Дизайн – О.В. Глазунова

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

2014